DOI: 10.31860/978-5-918680-384-474-514

К 130-летию со дня рождения
Б. В. Шергина

Б. В. Шергин

ДНЕВНИК 1942 ГОДА (21 ЯНВАРЯ — 13 МАЯ)

Часть I

(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной)

Аннотация: Дневниковые записи Бориса Викторовича Шергина (1893—1973) — русского писателя, сказителя, фольклориста и художника, сделанные им в январе—мае 1942 года, представляют собой свидетельство духовной жизни православного христианина, сохранившего верность вере отцов в атеистическом государстве, ценителя, знатока и продолжателя традиций русской народной культуры. Их основным содержанием становится духовное состояние, религиозный опыт автора, а также те ценности, которые оставались для него важнейшими на протяжении всего творческого пути: культура русского народа и основы русской национальной жизни.

Ключевые слова: Борис Шергин, вера, христианство, святость, Церковь, русская культура.

Abstract: The diary entries of Boris Viktorovich Shergin (1893—1973) — Russian writer, storyteller, folklorist and artist, made by him in January—May 1942, represent evidence of the spiritual life of an Orthodox Christian who remained faithful to the faith in Christ in an atheistic state, a connoisseur and continuer traditions of Russian folk culture. Their main content becomes the spiritual state, the religious experience of the author, as well as those values that remained the most important for him throughout his entire career: the culture of the Russian people and the foundations of Russian national life.

Keywords: Boris Shergin, faith, Christianity, holiness, Church, Russian culture.

Значительную часть литературного наследия Бориса Викторовича Шергина (1893—1973) — русского писателя, сказителя, фольклориста и художника, составляют дневниковые записи, которые он вел на протяжении многих лет.

Дневники Бориса Шергина почти не содержат упоминаний о событиях политической, государственной, социально-общественной

 © Галимова Е. Ш., Никитина М. В., 2023

жизни. Они раскрывают то, чем он жил, характер его мировосприятия, сущность его «внутреннего человека». Для Шергина дневник — это еще и своего рода возможность «откровения помыслов», компенсация отсутствия у него опытного старца-духовника, о чем он часто сокрушается на страницах дневника.

О существовании дневников Бориса Шергина широкому читателю стало известно только после смерти писателя. Впервые часть дневниковых записей Шергина была опубликована в 1976 году в журнале «Север» писателем Ю. Ф. Галкиным,[1] в 1978 г. выпустившим в серии «Писатели о творчестве» небольшую книжку выдержек из шергинских дневников. При этом публикатор был вынужден ограничиваться лишь теми записями, где речь шла о культуре, искусстве, языке, истории, природе, не включая в подборки размышления Шергина о вере, о сути христианства, о жизни Церкви. То есть главное содержание дневников Шергина десятилетия оставалось нераскрытым.

Впоследствии Ю. Ф. Галкин продолжил публикацию в периодике принадлежавшей ему части дневниковых записей.[2]

Наследники Б. В. Шергина (Ю. М., Е. А., М. Ю. и Л. Ю. Шульман) также, начиная с 1988 г., осуществляли публикацию дневников писателя.[3]

Научное издание дневников Шергина, хранящихся в составе его фонда в Рукописном отделе ИРЛИ, было начато в 1998 г. публикацией А. Н. Мартыновой и И. А. Красновой (Ежегодник на 1994 год)[4] и затем продолжено ими же в 2002 г.[5] В 2009 и 2014 гг. в Ежегоднике были опубликованы дневники Шергина, подготовленные Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной.[6]

---

[1] Из дневника Б. В. Шергина: [1946—1949 гг.] / публ. и вступ. ст. Ю. Ф. Галкина // Север. 1976. № 6. С. 119—128.

[2] [Из дневников] / публ. Ю. Ф. Галкина // Поэзия: Альманах. М., 1983. Вып. 36. С. 122—125; «Я ли не богат?» / публ. Ю. Ф. Галкина // Северный комсомолец. 1988, 20—26 авг. № 34. С. 8, и другие.

[3] Из дневников / публ., подгот. текста и вступ. ст. Л. Ю. Шульман // Новый мир. 1988. № 1. С. 134—148; Жива душа моя: [Дневниковые записи 40 — 50-х годов] / предисл. и публ. Л. Шульман // Литературная газета. 1990. 12 дек. С. 6; и другие.

[4] Дневник 1945 года (18 января — 12 апреля) / вступ. ст. А. Н. Мартыновой; публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб.: Академический проект, 1998. [Ч. 1]. С. 248—301.

[5] Дневник 1945 года: (13 авг. — 23 сент.) / вступ. ст. А. Н. Мартыновой; публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. Ч. 2. С. 431—457.

[6] Дневник 1939 г. (ноябрь—декабрь) / публ. Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009; Из дневников Б. В. Шергина за 1940 и 1949 годы / публ. Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

Подготовка к изданию дневников Б. В. Шергина требует учитывать многие особенности авторских рукописей: неразборчивость почерка, обусловленную как плохим зрением Шергина, так и зачастую низким качеством бумаги и плохой сохранностью переданных в РО ИРЛИ рукописей; широкое использование Шергиным тайнописи — простой литореи; написание не только церковнославянских, но иногда и русских слов под титлами, в том числе буквенными; обозначение цифр, прежде всего дат, церковнославянскими буквами; включение в текст греческих, латинских и др. слов; обилие цитат из Священного писания, святоотеческих творений, церковных служб, произведений русской и зарубежной литературы; разного рода умолчания, иносказания, требующие пояснения публикаторов.

Хранящаяся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 278, оп. 1, ед. хр. 233) рукопись дневника Б. В. Шергина за 1942 год содержит записи с 21 января по 20 ноября. Материал настоящей публикации — первая часть записей 1942 года (с 21 января по 13 мая).

21 января *(3 февраля)* 42[1] года

Вмале и впусте исчезают злые дни мои. Зренье все под гору идет. Отчаиваюсь. Хотя иногда и приходит в голову, м<ожет> б<ыть>, справедливое изречение: человек никогда ни так счастлив, ни так несчастен, как он думает.

Мне скоро, через год, полста годов. Пора уж убывать здоровью и дряхловать. У кого ведь что. У всякого свое страдание. Но тяжело на сердце, не в силах выжать из себя никакого силлогизма для самоутешения. Сжалась душа в мерзлый комочек. И... нет помогающего.

...Всю жизнь, а уж я полвека живу почти, всю жизнь жить исключительно впечатлениями извне, всю жизнь (а я рано, с отроческих лет, например, начал страстно увлекаться рисованием, картинками; с 15 лет началась страсть к старине) отражать лишь то, что поразит извне, всю жизнь освещаться лишь отраженным светом, страстно выискивать всякие источники света (иногда сомнительные), в частности, всю жизнь любить картиночки, рисуночки и самому производить эти картиночки и рисуночки, любить нарядные книжечки и самому их мастерить; всю жизнь сознательно и бессознательно услаждаться и забавляться лишь приходящим извне, всю жизнь искать <1 нрзб>. И, оказывается, ничего, ничим ничего от всех этих красот и увлечений, от всех этих «богатств» не осело в душе. Все эти сокровища, которыми увлекался весь век свой, шаткими, валкими, легкими оказались...

Положим, я это давным-давно заметил. При любом страхе сжигал, трясясь, как заячий хвост, все, чему поклонялся. Но воз все равно и ныне там оставался.

И вот теперь, когда внешний-то свет начал меркнуть в глазах и уж не можешь глазами-то набирать тех впечатлений, которыми привык безотказно насыщать свою алчную, несытую «художническую» душу, когда и читать не могу, и картинки только узнаю, теперь поневоле заглядывать начал украдкой в душу, заглядывать внутрь себя. И вижу там такой хаос, такую пустоту и холод.

Ни... <Запись обрывается>

22 января, среда

Откуда вот это: иной день и праздник, и в хором[2] пойдешь, а и с пущим даже прямо сказать отчаянием день провожаешь. Сегодня, проводив моих в деревню, всплакнув один, пополз <1 нрзб> по хлеб. Обратно полдороги греб пеш.

...Сегодня светло. Долго теперь светло. Скоро февраль бокогрей. Зима, а инде капало. Греб переулками-то, что-то московское предпредвесеннее, видно, садилось на душу. Во дворе у нас со всего фасада соседского корпуса такая музыка капель... Подумалось: Господи! Неужели в самом деле и весна придет... В этом году 27 января нач<ало> Масляной. В Сретенье заговенье. Ранняя Пасха. Теперь уж так: единственными подпорами радости или оживания, оживления какого-то праздники эти для меня стали: как снежок запоносит, Рождества ждешь, Святки проводишь, не хочешь пустовать-то, а как-никак Христово-то всего уж полнее да краше, дак по Крещении-то мозгуешь, велико ли межговение... Больно уж любо: Помощник и Покровитель[3] запоют... Дорогое дело пойдет — пост Великий. Пойдут недели «сестра сестры старше». Пойдет «мост на семь верст, на конце моста золотая верста»...[4] Там вдали Пасха Христова — синтез всего, что дает великий и глубокий смысл страданиям, болезням.

Полста лет мне скоро, а все еще долу пресмыкаюсь, все еще на земле низу́, все еще, как свинья в калу,[5] все еще толсты, дебелы, дряблы, тундроваты,[6] рыхлы, вялы чувства-те мои.

Полста лет скоро, а все еще ежечасно в отчаяние падаю, что здоровье не как у молодого человека. Чуть что, о зрении падаю духом, как живая могила сижу в углу, мрачу брателка[7] и мальчугана.[8] А у людей не то ли самое в другой болезни. Кто с легкими, кто с сердцем, кто с почками, кто...

Вполне ведь возможно, что и мне дожить зрения хватит. Ведь весь век я только близорук. Это естественное у меня... А сам я здоров, нигде мне не загорожено. Иные и зоркие, а прикованы лежат или сидят. А у меня много извне нахватано, надо в душу поглядеть. Вот с приятностью в душе шевелится искорка, что пост Велик скоро. Предначатие радости в слове, в понятии, в разуме того, что есть Великий пост.

Господь сказал: мир Мой даю вам... радость Мою даю вам, которую ничто не отымет от вас. Ничто, никакая лжа, никакое несчастье, ни-

какая болезнь.[9] Это сказано не в форме прогноза, что, может быть, ничто не отымет, а как нечто безусловное, как факт. Заработай, приобрети это свойство, привей, посей его в свое сердце, в себя, и еще здесь, на земле, живя в бренном больном теле, ты уже начнешь ощущать себя гражданином небесного Иерусалима.

Иоасаф царевич[10] царство свое отдал, чтоб получить это царство, эту радость, это состояние духа, которое никакая скорбь и болезнь не поколеблет.

И вот, горе, когда видишь себя в годах зрелых, уже впадшего в болезнь, но еще ничего от сокровищ некрадомых не приобретшего.

Иные добрые люди считают меня имеющим «упование»... Хорошее «упование» я стяжал... только и делаю, что обмираю над своими глазами: тошно смотреть на улицу днем, все перекажённым видишь... Дак и не смотри! Неуж не насмотрелся за 50-то лет! Ну-ка глянь в душу, там-то что есть?! Много ли запасено, надежен ли запас, добротен ли он?

И еще скажу: ты плюй, что люди те ахают над тобой. Ничего не стоит оценка физических состояний со стороны мира. Людей, которые были сосудами истиной радости: затворников, схимников, юродов блаженных, — мир часто считал изгоями, полумертвецами, несчастными, выброшенными из жизни; их существование, монастырь многим каким-то кладбищем казался, а мнихи — заживо похороненные люди...

Помню, с ногой я еще лежал в лазарете: «Что уж... он уже не человек...» С тех пор прошло 22 года.[11] А что, помешал чему-нибудь протез? Личному счастью? Творческой работе? Двигался я меньше?.. Никогда ничему утлые ноги мои не помешали. Протяну, Господу помогающу, и с утлыми глазами. Довольно спать, пора царство Божие запасать.

Ослабла, упала душа-та, заболотилась. Охладело сердце, закоруз-ло. Вот это воскресенье было: Неделя блудного сына. И про тебя пели на утрени: «Объятия Отча...».[12] Не твоя ли это молитва, не твой ли это вопль: «Ныне обнищавшее мое сердце не презри»? Блудный-то забыл про отца, не помнил про дом-от отеческий. Без просыпу, слышь, гулял и с собаками уже ел, до того дожил. А как опомнился, дак ту же минуту бросился, не раздумывая, в отеческо-ет дом прибежал да отцу-то на шею напал, плачася и рыдая... А я ведь свиней чужих пасу, свинопасом называюсь, а в дом отеческий, где ждут меня, тоскуют по мне, письма откуда пишут, зовут домой со слезами, сыном именуют любимым, я туда из чужой поганой свинарни не иду. Привык ко свининой-то еде. Вишь, больше мне нравится подстольным псом быть у пленивших мя, лучше у *врагов*[13] куски выманивать, лучше после них блюда лизать да мочалки сосать, нежели со отцем, в дому отчем, как сын, как чадо дорогое, желанное за столом на пире *веры* сидеть.

Отец-то любимый разыскивает, зовет и созывает нас, детей своих, по чужим углам валяющихся. Братия-то моя, единодумная, едино-

мысленная, давно, зов отеч слыша, отца видя любящего, зовущего, прощающего, объятья к детям простирающего, давно братия-то моя к отцовым ногам припала, в охапке у отца согрелась, иные здесь радуются (в объятьях-то отчих сидящим скорбь земная сладка живет), другие овамо царствуют. Но об оном царстве не мне, грязи худой, распытывать. Я то довольно знаю, что еще здесь, еще с этими болезнями неисцельными[14] можно к отцу-то припасть, и окажется твоя боль тебе на здоровье. Еще вот эти слезы обидливые, соленые он отрет, это обнищавшее, истерзанное, кровью скорбно истекающее сердце усладит любовию своею.

С братом моим крестовым я так-то обозлюсь, оборьянею, губу-ту закушу, как пес зубы-ти сцеплю. Уж он отойдет, уж он зовет меня, прощается, рученьки протягивает. Я как окостенею... Дале заоттаиваю. Иное, еще губами только, еще сердцем пустым молитву Иисусову сотворю. Далее и заплачется. И уж брателка обымаю, каюсь и слезами его обливаю, простить прошу. Ведь нету у меня в жизни, да и не было дороже его. Кто после матери меня так жалел, кто так трясся надо мной? И обымем друг друга за головы. И любо в то время звать: «Христе, Свете истинный, просвещающий и освещающий всякаго человека, да знаменается на нас свет лица Твоего!»[15]

Свет Христос с нами! Христос с нами уставися!

И вот: не поэтический образ, не риторический прием, не картинность изложения это, ныне певаемое «Объятия Отча». Нет, это реальность, это действительность.

Мы наемники бегающие, нерадящие, мы рабы, талант зарывающие, мы бездомовники, не помнящие родства, забывшие, что каждый из нас образ есмь неизреченной славы Его, аще и носит язвы греха,[16] мы, продавшие боголепное отечество, не видим этих простертых всем страдающим и обремененным рук, не слышим вечного зова: «Придите ко Мне, и Аз упокою вы».[17]

А ведь се ныне время благоприятно для спасения. Жир-от сбавили с тела, ну-ко, не попробуем ли оборотить это на пользу душе? Хорошо ведь, благодарное это дело, когда она утончится-то. И сице,[18] Господу помогающу, и все чувства утончатся.

Глубиною мудрости человеколюбно все строящий и еже на пользу вся подавающий,[19] животворящею Своею десницею положил бы Ты нам на сердце дражайшие хлеба насущного оные слова: «Объятия отча отверзти ми потщися! Блудно иждих мое житие, на богатство неиждиваемое щедрот Твоих взираю, Спасе. Ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе, Господи, со умилением зову: согрешил на небо и пред Тобою».

(А сие поистине надобно, чтоб, очистив чувствия, узреть Христа, непр<иступным> светом блистающего, и рекущего ясно: «Радуйтеся»).[20]

Гомер каждому, и дитяти, и мужу, и старцу столько дает, сколько кто может взять.

Это тем более можно отнести к экклисии.[21] Это сокровищница неисчислимая, преизобильная всяким богатством, преизбыточествующая веселием духовным. Каждый день в экклисии праздник. И это помимо праздников великих. Вот завтра и великого, небесного Григория Богослова. Завтра и суббота Вселенская пред Масляной. Это праздники вселенские. А вот и местное наше радование. За Москвой-рекой завтра празднуют Богородице «Утоли моя печали», у Николы, что в Пупышах[22] (родная, милая, старая Москва). Завтра и пресветлая память, преставление старца Оптинского Анатолия.[23] Преставися в лето 1894. Четыре праздника в один день. Каждый родит свои особые переживания, свои ощущения. Вот солнце церковное Григорий, один из столпов Церкви; он весь величие, весь мощь, весь сила и красота. То что у древних были Платон, Сократ, Аристотель, то у нас Василий В<еликий>, Григорий Феолог,[24] Иоанн Хризостом.[25]

В чине православного иконостаса он.

3 февраля. Понедельник 1-й седмицы Великого поста

Насколько они значительные, эти вот службы, часто значительнее самодельщинных, наскоро и вкратце «отделываемых» (и зачем они?) концовок молебнов.

Пришел к часам, тихий, золотой, мягкий свет лампад и свещей еще господствовал в полумраке, хотя в окно уже глядело светлое утро. Читались часы 3-й, 6, 9... Желтое пламя огней больше и больше уступало свету дня, несколько холодно-голубоватому... Как значительны, как своевременны, до чего нужны, и именно сегодня, до чего для меня вопли и мольбы царя-пророка. А бывало ведь по дурости вроде «принудительного ассортимента» псалмы-те выстаивал. Ничто не льнуло: кафизмы, часы, даже евсапсалмы[26] ни уму, ни сердцу ничего не говорили. Все мимо шло. Теперь стал слушать, и спасибо, если раздельно читает какой-либо доброхот. Мало того, что псалмы — хлеб насущный для души, мало того, что тут все, что нужно для потребы и цельбы умученной, голодной, больной душе, тут ведь и высокая поэзия. Псалмы, как и творения греческих гимнографов (и славянских), — это классика, античность. Высококачественной пищей питает церковь своих чад.

Дико и стыдно признаться, но неясна со стороны драматургической формы мне была структура часов (а вечеря, а утреня ясны?). А ведь часы древние, как церковь греческая. Говорю — со стороны драматургической, хотя часы и не представляют собой целиком «драмы», как *литургия*. Проще и правильнее тут было бы сказать — со стороны формы. Часы I, III, VI, IX. Каждый час — это гроздья псал-

мов. Кафизма — гроздь псалмов, гроздь винограда. В каждом часе, как бриллиант в жемчуге, сияет тропарь. Как они знакомы с детства...

Точно сейчас стою в гимназической нашей церкви. Точно вижу о. Зосиму,[27] бледное его, худощавое, тонкое лицо. Точно как будто и не прошло тридцати лет...

Иже пресвясвятаго Твоего Духа в третий час апостолам Твоим ниспославый...[28]

Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей Христе Боже.[29]

Иже в девятый час на кресте плотию смерть вкусивый...[30]

И сияющее утро, льющееся в окна гимназической церкви, и трогательно печальные напевы, и дымок от кадила, нестерпимо голубой в солнечном луче, всё сейчас, как тогда...

Только я не тот... Охладел, ослаб, годы далеко...

Да... Золотое детство, но не из-за воспоминаний детства надо любить великопостные службы. Надо любить и надо жить ими, потому что тут все, что нужно нам для истинной нашей потребы.

«Когда же стал я мужем, младенчество оставил».[31] Тогда за этими самыми службами стоял я мальчик, всему радующийся безотчетно. Теперь почти уже старик... измятый, искалеченный, обремененный. Но не меня ли такого и зовет Он: «Придите ко Мне, труждающиеся и обремененные».[32] Все мы дети для Него. Правда, море житейское столь бурно, что часто считаешь себя безвозвратно «на дне». Но сказано у святых, что в последние времена уж не постом, не молитвой, а лишь бедами да напастями спасаться будут люди... Но я вот легкий путь люблю. Мне радоваться о Бозе нравится. А за что будет Господь подавать именно мне утешения, неизвестно. Как-то тут разгоревался: голодовка, да неудачи, да слепота, да брателко болен. Корить начал Бога, наедине-то сидя, что де не пособит, а я ли де не стою за Него... (Вот как бес-то мной играет!!). А потом и опамятовался, свойства и качества свои выложил перед собою на среду, дак и очухался. Такие вот слабые, бесхарактерные, жалкие люди, как я, только роняют идею, только позорят Божье дело. Ведь не на слова люди смотрят, а на дела. А дела мои... Ох!..

И все-таки, где раз подали сладкого пряничка, опять туда иду. В Церкви пряники-ти всех слаще. Но «море даст, что возьмешь».[33] Царство Божие нудится.[34] А я без труда люблю. Ну и выходит, что «сама себя раба бьет, коли худо жнет»... Брателко бьется, кусок хлеба мне добывает, а я лежу, как байбак, да с небеси утешения жду. А по пути ем, грызу истинного ангела хранителя моего, брателка. Бес мною играет на пагубу мою. Воздыхаю иное: «Где Ты Христос, сияющий лучами» (Надсон!!).[35] Вот так сейчас к тебе, с боку на бок перекатывающемуся от обеда до чая, Он и явится! А тогда как же бесчисленное множество замерзающих, бездомных, как же миллионы истерзанных войной, в страшных муках умерших, как же в *лагерях* гибнущие без числа? А я утешения требую. Бесстыжая харя, паразит, дармоед...

Но я начал говорить о рисунке часов, ритм и архитектурную четкость дают, повторю, тропари, занимающие едва ли не центральное место в рисунке часа. Затем молитва «Господи Владыко». Эта молитва, равно как и «аллилуйя» певцов, разделяют здание службы на части, оживляют однообразный ритм псалмов.

Я обратил сегодня внимание на час IX. Содержание часа о «иже в девятый час на кресте смерть вкусивший». И чудные тропари поведают миру о на кресте распростершем руки, как бы собирающем в объятия все народы. Тут и разбойник видит Начальника жизни на кресте висяща и вопит: «Иже за всех терпиши, помяни мя во Царствии Своем».

На IX часе чудно со сладкопением звучит этой молитвой разбойника, как жемчужными слезами или как бы слезными перлами унизаны и осияны певаемые на IX часе заповеди блаженства. Как чудно, со сладкопением умиленным припадает и умоляет род человеческий: «Помяни нас, Святый, помяни нас, Владыко».

4 февраля. Вторник 1-й седмицы Великого поста

Днем уж капели на пригреве. Февраль бокогрей. К Мефимону[36] пошли, закуфетался в сто одежек, да и напрасно. Но морозно в хоромах в эту зиму. В Петра Павла[37] еще милостивые. Всенощную начинают в 3, в 4-м часу. В 6, в 7-м кончают. После вечерни уж укутают окна. Старухам удобно стоять: платков намотают на голову. Мне вот горе. Я дома в шапке хожу ведь. Все зябнет голова. Надо, пора, пора черную шапку завести.[38]

А мое большое лишение то, что нет у меня даже не то, что отца духовного, но даже хорома избранного, куда бы ходил постоянно, знал бы свое место. Это великое дело. А то болтаешься, сегодня сюда, завтра инде...

А в хоромех теперь по стенам, по окнам икон нанесено из разоренных хоромов и наставлено в два ряда. Распятий по простенкам больших.

Мефимон сегодня не застал, повечерие идет. Я отупевший и опустошенный человек, оравнодушевший, но хорошо было. Полумрак, день догорает в окнах. И великопостные напевы и молитва многократно, «которую священник повторяет во дни печальные великого поста»[39]... Повечерие, затем утреня.

Вчера стоял у часов: день начинал покорять свет лампад... Сегодня дневной свет начинал малиться, углы и своды темнеть, но ярче и ярче разгоралось сияние свещ и лампад.

Бывало, как эстет, я тоже стаивал долгие службы. Я выстаивал и долгие кафизмы. Я наслаждался, абсолютно не вникая в журчание чтецов. Вроде как бы геройство было, что вот устал, уморился, а выстоял долгую службу. Дома зато во умилении за самовар на два

часа сядешь, да с булками, да с вареньем. Пока пар из-за голенища не пойдет.

Теперь ходи да *оглядывайся*, а и нет не то что варенья, а и куска *хлеба*.

Но эстетское, любительское этакое отношение к церковным службам — его тоже не осталось почти. Не до услаждений: Иисусе, Наставниче, погибаю. Уж ясно, что если не в екклисии, то нет, нет мне спасения. И уж искусством не проживешь, эстетизмом даже церковным не пробавишь долго.

Отказываются очи телесные, здешние сего дня красоты смотреть. Надо, надо запасать богатство неиждиваемое, пора внутрь себя красоты запасать, надо на камень скорбей недвижимый ставать, чтоб люди не застали неготового, беспомощного, неимущего. Вот и ловлю теперь, и уразуметь стараюсь то, что Церковь та Христова говорит, и дышит, и внушает.

11 февраля, вторник

Вот уж мы и жалеем друг друга, и добра хотим во всем, и уж мы с братишком душу друг за друга положим. И Михайло редкостный парень, милый, добрый, честный, искренний, чистый. А какой содом, чуть что, подымается. Причина: голодны все, и впереди темно. Ниоткуда ничего не идет. И по этой причине, что изголодались, любой повод к брани и ссоре ведет. Ну, погорячимся, да и опять сомкнемся, как ни в чем не бывало, да силы-то нервные уходят, тощатся. А се, ведь, и бродим уж худо.

Но мы, особенно мы с Тоськой, вместе живем и умираем. И Миша хороший мальчик. Живо вскипит да и отойдет. А вот если равнодушные друг другу люди живут. Их некому связать. Их, в случае ссор и взаимных неудовольствий, ничто не связывает. С чужими людьми: ты от них отпрянешь на пядень, они от тебя отпрянут на сажень. У людей, безразличных друг к другу, после нескольких ссор наступает охлаждение, расхождение, если не вражда. В лучшем случае не встречаются и забывают одни о других, а нередко злословят, оговаривают, клевещут, мстят и детям своим вражду к тем-то и тем-то внушают бывшие друзья.

Как частные семьи и люди, так и общества, так и государства живут. Тут-то уж совсем не на любви, не на жалости любовной, не на милости взаимной, не на заботе и тревоге друг о друге отношения складываются. Тут исключительно своя выгода, своя польза. Дипломаты одного государства подсаживают дипломатов другого государства, ловят друг друга, караулят друг друга, вернее — враг врага. Официально клянутся в дружбе, подписывают акты дружбы, но на деле лишь момента ждут, чтоб всадить нож в спину один другому. Сейчас готовы, и сейчас кроворазлитие и ненависть тупая.

Так вот, что же частных людей, не связанных взаимной любовью и сердечной жалостью, что же и целые общества людей, чужих друг другу, не связанных ни родством, ни дружбой, что же их связать может?? Ведь мы видим, что в естественном состоянии «человек человеку волк»! Мы видим, как теперь стало: все за себя! У всякого, чуть что, камень за пазухой. Каждый боится, что другой у него кусок хлеба попросит. Чуть что, и в глотку друг другу вцепятся. Чуть что, и взаимное равнодушие ненавистью сменяется. А там убить друг друга караулят... И выхода нет. Равнодушие родит холодность сердечную друг к другу, холодность переходит моментально во враждебность, а там и ненависть. И уж не имеют люди сытости ненавидеть друг друга и губить друг друга. Губит человек человека, и масса убивает, ненавидя, массу.

Что же множащуюся и саморастущую ненависть, ненависть всепожирающую, всезаполняющую может остановить, победить, уничтожить? Ныне уж для ненависти неустанно, не щадя сил работают и науки, и искусства, и племена, и народы, и все, все человечество. Еще ребенку, еще в колыбели укачивая, внушают ненависть. Смерть и ненависть вкладываются в сердца миллионов людей. Злоба, ненависть, месть, вражда, алчность — вот что стало альфой и омегой воспитания. С этим живут дети и вырастают, и уж ничем считают никакое примирение. И уж захлебнулся мир в крови. Не от внешних, а еще до войны, задохнулись от ненависти одни к другим. Грызли за горло друг друга единомышленники много уж лет в мире, — грызут и съедают друг друга люди в городах, в квартирах. Грызут люди друг друга, люди в деревнях. Губят и съедают друг друга ремесленники, топчут друг друга, ненавидя несытно, ученые, художники. И злоба и ненависть ширится и заливает людей. И тонут без числа, как в яду, в этой всепожирающей, выпущенной на свободу, ярящейся и торжествующей вражде и ненависти.

Что же остановит, что же победит ненависть, пожирающую человека и общество? Что может убить ее зародыши проклятые в сердце несчастном человеческом? Ответ один — учение Христово.

3-й седмицы Великого поста вторник. 18 февраля.

Блаженна ты и преблаженна и присноблаженна святая *обител*ь Оптина! В дни безнадежности, уныния, в часы отчаяния о болезни, о нужде, о своей беспомощности протянута уныло рука к этому заветному свертку с видами пустыни, к пожелтевшими уже карточками ее святых *иноков*, и тихая радость покрывает скорбь и печаль...

О горе Афоне поют: «Не знаю я твоих красот, ни твоего земного рая, ни под тобой шумящих вод». Так и я не видал красот, не лобызал тленными устами святынь, не лицезрел земного рая возлюбленной мне пустыни Оптиной, не видал святых старцев ее, но «желает и скончавается душа моя во дворы Господни», но «коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил»![40]

Уж который раз в жизни, который раз в году радуется сердце и душа веселится о том, чего глаза не видели, куда ноги не ходили. Но жива для меня святая *обитель*, живы ее благословенные старцы. Особенно в минуты, когда удается «упразднiться».

Перебираю открыточки, карточки... И дали развертываются за этими скромными картинками.

Блестит река Жиздра, и отразился в ней заветный и заповедный мой Китеж. Горит золотая заря, и вечерний благовест тихогласно и редко плывет над лесами, над тихою речкой... Белеют стены, возносятся в тихое вечернее небо главы храмов. И я узнаю́ их: высокая колокольня и за нею Введенский собор. А в правой руке у меня храм Казанский... Там почивает отченька мой Антоний,[41] житие которого и письма которого я так люблю...

Это все — создание мечты моей. Это все — «уверенность в невидимом как бы в видимом и в ожидаемом и желаемом как бы в настоящем».[42] Это — вера. Но глядят на меня, сияя, финифти, десять образков из Оптиной пустыни, свидетельствованных, имеющих прямое отношение к великим и любимым моим старцам о. Моисею,[43] Антонию...

И снова, и снова дивлюсь я и радуюсь. Как будто цветы из рая, во свидетельство несумненное, яко близ есть царство небесное, принесены мне ангелом Божиим эти священные, бесценные, драгоценные мне образки из Оптиной пустыни. Случайно ли эти именно иконки, на примечательность которых и художественную, и в смысле принадлежности благословенным братьям Путиловым указывают даже книги? Тут опять и опять ликую я о свидетельстве древних патериков: как только возгорела твоя душа любовью, как только зачал ты радоваться и стремиться к которому-либо старцу, живущему еще здесь или уже царствующему со Христом, с той минуты и оный святый старец начинает знать тебя.

В год, когда достались мне эти вожделенные образки, я уже знал и любил по рассказам, по книгам и еще сам не ведаю, по чему, святую оную пустынь. Но и мыслить я не дерзал, и мечтать не смел, и не думал, и не домогался какую вещественную «память» оттуда получить. И вот путями окольными пришли ко мне эти иконки, которые, несомненно, часто лобызали уста святых братьев о. Моисея и о. Антония и других великих превожделенных отцев оптинских. На этих сияющих иконках останавливались молитвенные взоры святого моего старца Антония, на своих притрудненных ногах он молился пред этими «праздниками», поминая доброго строителя иконы брата Василия.

И эти «праздники» недоведомыми путями попадают ко мне, унылому и поверженному, но давно «пригорновавшему»[44] к Оптиной. Не благословение ли это мне, нищему и недостаточному, лишенному, от любвеобильного о. Антония? Не весть ли, не залог ли это оттуда? Да,

несомненно, так, я должен считать эти «праздники» благословением старца Антония, благословением святой Оптиной пустыни. Есть она, и живет, и радуюсь о ней, о ее святых старцах.

Слабыми глазами, теряющимся зрением вглядываюсь я без конца в эти картинки.

Вот дорога в скит. Стены леса. Я словно сам иду туда, в скит, столь прославленный, о котором столько читал, скит, освященный пребыванием Льва-Леонида,[45] Макария,[46] Антония, великого Амвросия,[47] отцев знаменитейших, облагодатствованный пребыванием и отцев Иосифа,[48] Илариона,[49] Исаакия,[50] Анатолия,[51] Нектария[52] и иных, коих и не знаю.

Вижу на картинке деревянную церковь святого Предтечи, невысокую, с круглым шатром. Я читал о ней и люблю ее. Как бы я постоял здесь у литургии, поглядел бы, послушал пренебесного служения блаженных скитских отцев. В этой невеликой зданием, но небесной и пренебесной церквице, служил и отец Антоний, и лице его, по свидетельству очевидцев, было как лице ангела Божия.

Так бы зашел сюда и умер бы тут.

А вот келлия отца Амвросия. И вспоминается описание низенького старинного покойчика о. Зосимы в «Бр<атьях> Карамазовых».[53]

Вот на совершенно выцветшей фотографии и великий старец о. Амвросий. Он полулежит, белый балахон, мантия на плечах, четки. Живые, в душу глядящие глаза, скорбные складки бровей. Вот о. Амвросий сидит во дворе, прекрасное благостное лицо, посох, широкая ряса, высокая камилавка. Очевидно, вышел погреться на весеннем солнышке. Весна, видимо, ранняя, травы еще нет. Из-за забора глядит пустынная дебрь — высокие, могучие деревья.

А вот о. Анатолий в схиме. Добрые светлые детские глаза, у младенцев да у святых старцев только и бывает это благодатное выражение благостности, кротости...

Какая радость, что сохранились эти снимки, что остался нам вот этот облик о. Анатолия! Как трогательно и умилительно сочетание схимы, с крестами, письменами, и этого прекрасного, сияющего младенческой кротостью старческого лика...

Вот расцвеченная открыточка — фасад Предтеченского скита. Надвратный храм-колокольня, врата; столь знакомые келлии по сторонам: галерейки и ступеньки, где сиживал благословенный о. Амвросий, утешая и ободряя приходящую Русь святую.

Благословенны вы, старцы оптинские, благословенна ты, святая *обитель*; жива ты, и есть, и будешь, и вечно, и неиждиваемо твое благословение, живут и дышут молитвы святых твоих *иноков*.

20 февраля, четверг.

Сокрушаясь, изнывая о том, что не могу уж читать и рисовать, тщусь ухватиться за благую мысль, к счастью, нередко касающуюся

разума: тужишь, что не можешь наслаждаться более книгами, которые так жадно искал... Но ведь можно и до смерти копить библиотеку и скопить тысячи томов. Да разве количество книг вводит в сердце мир, вящий всякого мира, радость неотымаемую? Разве только в результате штудировки сотен книг приходит в сердце Царствие Божие?!

Знаю, что нет, знаю, что собирать надо ум, а не рассеивать. Несомненно знаю, что будь у меня отец, старец, руководитель, отсек бы он от меня это жадное паданье на многие книги. П<отому> ч<то> это мешает углубиться в себя. Много лет я сбирал древние *иконы*, древние книги, а лучше я ни на йоту не стал, близким моим ничем не посветил. Стал капризнее, злее, раздражительнее. Болезни пришли, а у меня, оказывается, ничего в запасе нету. Отсюда ясно опрометывается,[54] что прежде всего надо искать Царствия Божия, а остальное приложится. А я задумывал сначала собрать музей книг и икон, а потом, когда-либо, наигравшись, нахваставшись редкими изданиями, редкими произведениями древней живописи, портретами, и начать собирание Царствия Божия в душу.

Вот ведь чем отвести от прямого-то пути может лукавый! Уж не доброе ли это дело — старинные книги да *иконы*, но самозванство, самочинство, беспастырность, безотцовщина. Самовольство, самоуправство в пустошь как будто самые добрые мои стремления положили. И не могло быть иначе. Истина Господня пребывает в век.[55]

А она, во-первых, в том, что духовная жизнь, а тем более когда человек еще только путей к этой жизни ищет, без опытного духовного руководства неосуществима, противузаконна, противуестественна. Приступая к духовной жизни, шагу нельзя ступить без благословения отеческого. Этим не только человек приучается к дисциплине. По свидетельству отцев, с отсечением своей воли у иных с первых шагов спасенного пути уже начинают восходить в душе зори царствования, зори радования.

Слава Богу, все-таки я вынес из книг эту для меня самонужнейшую истину, что без опытного старческого руководства будешь век скитаться вокруг да около. И теперь уж горький опыт всей моей жизни подтверждает мне старую церковную правду о великом, исключительном значении старчества (духовного руководства, послушания, отсечения воли). То, что некогда казалось чем-то отвлеченным, встало вдруг как первостепеннейшая необходимость, единственный выход, единственное условие счастья, радости и успокоения.

Да, нельзя жить без старца, а я ведь и без священника — отца духовного живу и многие годы о сем в ус не дую. А что книги собирал (подразумеваю духовные), так уж ныне ясно мне, что «глупому сыну не в помощь богатство».[56] Но милостив Господь, и я, как мотылек несмысленный, порхая по цветам сим, все же увидел я несумненно твердые, прямые и правильные пути. Опыт жизни сошелся с указаниями отеческими. Где свет и радость моя, где мне счастье, и мир, и успокое-

ние, я твердо знаю. Твердо и несумненно знаю, и какими путями туда идти. И, хоть стою еще у зачал пути, но уж знаю и верую, что как пойду по нему с добрым руководителем, так и утешит меня Господь. И уж предначание радости, радость в душу убогую низводит.

Корю себя и ругаю, что всю жизнь неиграемым играл. «Сама себя раба бьет...»[57] Кто увлекался театром и актерами, кто музыкой и Собиновыми, кто литературой, кто поэзией в суд себе и поэтами. Так я «развлекался» разговорами (праздными) об *иночестве*, о старцах, а все это было поверхностным, было эстетством. «Поэзия ему любезна, приятна, сладостна, полезна, как летом вкусный лимонад».[58]

Добывал редкие издания Исаака Сирина, Лествичника, мечтал достать Филокалию, но все это лишь в суд себе. И сомнительные поэты, и романы, и книги об искусстве, и 1001 ночь, и Боккаччио, и Федр, и «Симпозион».[59] И «Часовник»,[60] и «Устав»,[61] и «Лествица»,[62] и «Словеса постнические»[63] — все на одной полке стояло, и жил я, мягко выражаясь, «чего-то нет, чего-то жаль, куда-то сердце мчится вдаль».[64] Все страсти на моем хребте работали.[65]

И, может быть, даже если бы в мои молодые годы и старец на пути моем встретился, я, как пес, продолжал бы возвращаться на блевотину свою.[66] Блудно иждих молодые годы.[67] А се и в годы страха отрекся бы не три, а 33 раза и от отца руководяща, и от братии помогающей.

Может быть, в те годы сердцеведец Господь и не давал своей святыни псу, не метал бисера пред свиньею. Разумею старца бисером неоцененным, а святынею духовную единодумную братию. Попятившись страха ради, я попрал бы их копытами своими. Так что, м<ожет> б<ыть>, всякому овощу свое время.

Глубиною мудрости человеколюбно все строяй и еже на пользу есть подаваяй,[68] м<ожет> б<ыть>, когда надо, и человека пошлет.

Как было книгам праздно не лежать, когда я кокетничал столько лет. Прихаживали люди, могущие, как я теперь понимаю, быть полезными. Живы были старцы некоторые Оптинские (в 20-х годах). А я, как бешеный, кидался от древностей к блядству, козыряя австрийскими еретиками (?).[69]

Так что, будучи (на языке) благочестия древлего, а жития прохладного, не созрел я тогда для следования старцу, ни для послушания, ни для отсечения воли, ни для *иночества*. И уж так, верно, тому быть, что «пустовали» святые книги. Пусть я сый без руля и без ветрил вилял, имея эти книги (и даже делая выписки из них!!!) и в десную, и в шуюю, я так был ползок и охотен до всякого греха, что не повести бы старцу меня царским-то путем. Но вот люта година настала, пришли болезни, ушли страсти, а истина Господня пребывает в век.

Дало плод и то, что в свое время читал, как литературу. Многое читал, и без разбору, но осело на сердце единое на потребу. Но «человека не имам»,[70] а книг читать не могу. О если бы послал Ты, Господь,

старца, отца духовного, наставника, который бы и меня, и семью мою упас в пажити Господней.

О книгах говорил, но велика мне печаль и лишение еще о том, что ведь, всю жизнь будучи художником, любя писать иконы, рисовать то, что мне любо, лишен я теперь возможности любимым делом заниматься. Пригорновав к *Оптиной*, к ее старцам, мечтая об *обителях*, как бы я хотел комнату свою портретами старцев, мною сделанными, украсить. Как лик Господа Христа списать бы хотел...

О еже пиши в сердце.

21 февраля, пятница

Сегодня достал я образ святителя Димитрия Ростовского. Радуюсь о сем не менее, чем бывало о древности какой. Образ большой, на красках, XVIII века, хорошего письма.

В день Суда, по выражению одной северной крестьянки, «земля сбежится в одно место», то есть сконденсируется поверхность земли на площади одной долины (Иосафатовой). Я уж поминал, что все святые книги «сбежались» во мне, сели в душе чем-то мне нужным. (Теоретически еще все это во мне). Я уж вижу, что мне не под силу, со что меня не будет,[71] не хватит. Но если суживаются горизонты, если я не смогу, по вине болезни, брать широко, то мне остается брать глубоко. Это выход неплохой. Окончить дни в тиши монашеской келлии, о как бы я это страстно хотел! Впервые я стал жить этой думой годов одиннадцать назад. Общение с м. Евфросинией[72] помогло дифференцироваться, определиться этому желанию стать *монахом*. Но потом все отбило *страхом*, потом отупением и грехом. В эту пору, вспоминая желание пострига, я облегченно вздыхал: как хорошо, что это не произошло. Бесплодное долгое отупение, бывшее следствием *страха*, стало откатываться, но ударила болезнь зрения. Опять упал духом и опять временем оттаиваю: ино в кою пору заоттаивает сердце, опять то же желание, та же мысль: сопричесться чину *иноческому* великому. Слава Господу моему, что не оставляет Он, благой, звать меня. Я Его оставлял, но Он меня никогда. Я уходил от Него, Он выходил навстречу мне. Слава Тебе, благодетелю моему, в веки веком.[73]

Радуюсь сегодня о пришедшем ко мне святителе Димитрии. Много лет я блуждал возле раскола. Потом Господь милосердный, иже льна курящегося не угасит и трости надломленной не переломит,[74] вышел навстречу мне. И я, вседушно, и всем сердцем, всем умом, всем дыханием верую, и люблю, и припадаю, и исповедую единую святую Церковь Православную. В ней живу и умираю, Господу помогающу. И потому я люблю святителя Димитрия, боровшегося во имя единой святой соборной Церкви с схизмой, с отщепенством, с омертвчением, с узостью раскола.

Светлое, радостное православие! Чудны были XIV, XV века, века Сергия, Никона, Кирилла Белозерского, Александра Свирского, Зосимы и Савватия Соловецких, всех преподобных отцев Северной Фиваиды. Но благословен и ты, век XIX. Паисий Величковский, Василиск,[75] Зосима Верховский,[76] Феодор,[77] Лев, Макарий, Моисей, Амвросий, Анатолий Оптинские, и иные подобные. И святители в XIX веке прославленные: Митрофан,[78] Тихон Задонский, Феодосий,[79] Иннокентий.[80] Благословен и ты, осиявший XVIII столетие явлением своим, отец и пастырь наш, святителю отче Димитрие Ростовский!

Ряд лет безотчетно я искал его портреты, я любил увидеть в церкви его икону. Мне любо, вот и ныне в *Елохове*,[81] пройти в угол, где всегда мерцает лампада пред потемневшей его иконой.

Почему-то святитель Димитрий связан для меня с Пасхой, радостью. Он, святой, чем-то близок мне, грешному, точно светлая радостная тайна меж нас. Да и как ему, пастырю доброму, не радоваться, «яко обретеся погибшая драхма»[82] и вернулось в Христово стадо чуть было не заблудившее в дебрях расколов овча.[83]

И вот он, душу полагавший за овцы,[84] с ласковой улыбкой шепчет мне, когда я прикладываюсь к святому его образу: «Христос воскресе!» И, припадая к честному его образу, с радостными слезами вопию: «Воистину воскресе Христос! Святителю Христов, отче мой и учителю мой, истины поборниче, учителю светлый и радостный.

Для истинного, настоящего человеческого счастья все в человеке должно сбежаться, сконцентрироваться к одному. Вот уж я не хочу порхать по векам то такого, то другого «расцвета». Восхищаться изысканным стилем XV века и пренебрегать XIX веком, пусть это будет уделом эстетов и искусствоведов. Они сегодня увлечены Рублевым и древнерусским зодчеством, завтра они носятся с архитектурой Бухары и Самарканда, цитируют Гафиза и Саади. Около великих дел эти комары толкутся, но, как комар не сознает могущества могучего дуба, на листок которого присел, так и эта публика, подбирающая крохи и не задумывающаяся, от каких ковриг эти крошки падают. Интеллигентное старообрядчество тоже впадает в эстетизм и снобизм. Старообрядческие храмы XX века, почти сплошь построенные в ужасном «moderne russe», который лишее ропетовских петушков.[85]

Те же ампирные церкви наши, которых так много еще и которые так давно и чудесно увязались с русским пейзажем, гораздо органичнее, преемственнее, душевнее и любее нам, привыкшим уж по дедам еще и отцам молиться в них. Любы и церкви XVIII века. Ведь в этих церквах молились и преподобный Серафим, и оптинская присносиятельная плеяда, и все святые XVIII—XIX века. У Троицы-Сергия много барочных зданий, но разве мы позволим сломать их эстетам, чтобы заменить подделками в древнем стиле. А архитектура Киево-Печерской лавры, не барокко ли там ликует. А разве не священны ныне нам эти камни, стены XVIII века? А какова архитектура Оптиной п<усты-

ни>, Сарова, Глинской? Не барок ли и не ампир ли? Но не там ли полагает сердце свое Русь Святая.

И вот для меня, выросшего в обстановке еще XIX века, в патриархальной северной семье, от дней младенчества ходившего не в храмы древнерусские XV—XVII,[86] а в церкви XVIII века, созерцавшего лики святых икон не только древних, но и позднейших, для меня, уж в пожилых годах понявшего всю полноту святости, всю неистощаемость благодатных сокровищ Церкви Православной, для меня, ликующего о целом облаке святых, пребывающих в церкви и в XIX веке, как и в XV, для меня все «сбежалось», скажем, к отцам, старцам моего времени, к *обителям*, которые я застал, в которые мои родители ходили. Ведь какой глупостью было, какой безумной спесью, каким недомыслием, тупостью и невежеством считать, что в древности, вот, были святые старцы, а ныне этого не бывает. Я был абсолютно не в курсе. Кто жил в церкви и с церковью, тот не бредил тем, что древле только была вся полнота, а ныне де нет. Кто жил в церкви, тот ходил по монастырям, не только поклоняясь мощам преподобных основателей обители, но и благословляясь, но и учась жить, но и собеседуя лицем к лицу с живыми носителями иночества и святости.

23 февраля, воскресенье Крестопоклонное

Сегодня у меня радостный день. Ну там, на комиссии, признан негодным.

На Даниловском хорошо. А раньше как-то опускал эти конца февраля, предмартовские, сияющие солнцем, еще морозные, но уже с капелями дни. На окраинах Москвы уж чувствуешь, что конец зимы. Там блестят снега сиянием слепящим, но уж киснуть начали проезжие дороги.

Голубое небо, белизна сугробов, узоры голых еще ветвей старых деревьев и чудесная розовая ампирная, такая светлая и уютная, очевидно, крупным зодчим созданная церковь, с чудесным по архитектуре иконостасом.[87] Ну... «жатва великая бысть на люди». Легко там теперь: наше стало.[88] А тех я гнушался, и народ словесный страдал.

Величавое *Евангелие* читалось: «Ныне суд есть миру сему... князь мира сего изгнан будет вон».[89]

Давно мечталось об иконе Споручницы. Сегодня пришло мне это благословение Божией Матери — икона, которую я видал у бабушки, в детстве, радость о которой загоралась в сердце при чтении замечательных актов святителя Филарета (40-е годы XIX в.). Икона, радость о которой долго сияла в душе, когда я ходил к ней туда в Хамовники услаждать свое бедное сердце видением чудотворной иконы, сколько там цветов, снопы свещей, молитв.

Сегодня я достал маленький список. О Пресвятая, Преблагословенная! Обнови во мне зраки образа своего. О Тебе радуется всякая тварь. Слава Тебе, слава Тебе.

И богатство сегодня на богатство. Уж устав, добрел до Петропавловской. Услышал служение пассии. Слава Тебе, Господи, за *веру* Твою святую, за Церковь ту честную. С юга России принесена эта служба, этот чин. На Севере не знали этого чина, но Москве полюбился он давненько. Конечно, это не уставная «классическая» служба. Но нужны душе и сердцу, насущно нужны народу церковному это стояние при Кресте, это сраспинание со Христом, это припадание к язвам Христовым крестным.

Нам всем измученным, скорбным, больным, голодным, печальным чем удержать свое сердце в церкви, как не Крестом, на котором Распятый, как не Его пречистыми язвами. Что величавее, и дороже, и любимее и нужнее этих чтений Евангелия о Страстях Христовых. И этот Акафист Страстям.

24 февраля, понедельник

Странное свойство души человеческой — «что пройдет, то будет мило».[90] Отодвигая тяжелые впечатления, душа выискивает приятное себе. Не останавливаюсь на тяжести кладбищенских будней, а опять предначатие весны люблю. Роща кладбищенская за белой оградой уж видится весну ожидающей. Стаял снег с ветвей, и голые деревья нежными коричневыми прозрачными метелками тянутся к небу. К вечеру заморозит, а в день тают дороги. Скользко стало тебе, хрену. Дальше будет все краше да краше. Март, апрель... Надо их взять. Потщися, убогая душа, не спи, не пустуй, блюди эти месяцы, это благословенное время тайностное и святое: Великий пост. Живи этой порой, не сном отяготися.

Худой долгой «конкою» ползаю иное и на Даниловское. Уж что скареднее будней *нашей* жизни. На улице, в очередях, в «конке» один бусый безотрадный колер. Но остается, но даже незаметно для себя оседает в душу это предначание весны. Уж дни долгие. В семь утра, как ставен откроем, еще свет синий льется и мешается в комнате с светом свещи или лампады. Но уж можно бы садиться писать. И до шести вечера можно читать (люди читают).

С утра поползу куда ле.[91] Уж не рвусь так, что худо вижу. Сам-то себе твержу: «злую печаль развевай доброю мыслию». А добро у меня одно: *вера* Христова. Иначе для меня — плач и скрежет зубов.

Вишь, все еще голубизну, да белизну, да весну, да узор дерев высматриваю. А ведь гораздо насущнее, несравненно необходимее, благодарнее для меня в себя, в душу эту голубизну и белизну эту весну и свет стяжать. Я слышал сегодня (это слово напиши на сердце, обвяжи о выю!): «Царство Божие нудится и нуждницы восхищают е».[92] Хрисостомос говорит: «Через царство внутреннее и небесное приходит». Еще только на пороги оного великого здания я гляжу, около переступая. Если нет старца, дак «по совету» надо жить... Не знаю, и за

«советом» оным великим к кому идти. Но ведь, я чаю, беспризорных-то овец и не оставляет Пастырь добрый. И вот я, сущее «овча погибшее», брожу вокруг да около и вопию: «Призови мя, Спасе, и спаси мя! Охота дверь райскую обрести!»

Но редки минуты умиления и радости. Покаяния не имам, не имам слезы утешительныя.[93] А молитва моя скудна, скупа, повторяю устами по привычке. Извне, за богослужением, иное нечто тронет сердце или слово братнее умилит, а сам от себя лишь устами и кратко повторяю молитву. Нет у меня в сердце молитвы, п<отому> ч<то> нечисто сердце. Есть лишь «благие порывы»...

Молитва дает счастье, блаженны минуты эти, я помню светлые оные часы в церкви у о. Сергия *Мечева*.[94] Но то незаработанное было, а лишь восторженность молодости: не о том, дак о другом юность восторгается. «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят».[95] А моя жизнь непорядочна и беспорядочна. Братишко везет дом весь, а я размышляю о внутреннем царстве... Может, и я с какой-то стороны прав: несчастное мое зрение заставляет искать опору в самом себе. Но тело, нервы, кости, «гормоны», конечно, не это опора человеку. Больное тело, слабое, дряхлующее, жалкое, вонючее, покалеченное, беспомощное — это не опора. Иной скажет: я вот силен, молод, бодр; вся суть в физическом здоровье! Нет, друг, сегодня ты жив-здоров, завтра ты ряхнешь.[96] Сегодня ты ликуешь и надымаешься, поешь и пляшешь, завтра тебя несут, хотя с музыкой, да не с веселой...

Если кроме плоти, костей, мышц, нервов, «гормонов» нет ничего, то с увяданием всего этого, с болезнями, с упадком сил физических, значит, и все погибло. Ведь не на «гормоны» же, не на омоложение опираться!!!

Нет, друг: я вот убогой человеченко, калека. Уж ничего-то мое телешко не стоит. Но вот упадает тело, дряхлеет, болеет, малится, а нечто во мне живет, не малится, не умирает, не шагает в ночи с дряхлым телом, а летит на крыльях.

14 марта, пятница

Завтра Лазарева суббота.[97]

Дни-то какие... Завтра с вербушечками стоят. Завтра служба о неделе Ваий.[98] Но ранняя Пасха, и снегу еще сугробы. Но и водой заливает.

Болел, простудился, но больше о голоде падаем духом-то. Брателко еще добывает обед. Охудали, да бродим по его лишь милости. Уж так пришло: что там праздник, помрем ведь, конец ведь... А дня два подряд поешь, и опять опечалится душа, что ведь дни-то какие единственные, бесценные, великие настают. Велик понедельник, Велик вторник, среда Великая...[99] Каждый день года сто́ит. Драгоценны дни сии и по существу, и по воспоминаниям. По воспоминаниям, п<ото-

му> ч<то> всегда, от дней младенчества, дни сии, скажем, от Вербной субботы до конца Светлой, сладчайшими, заветнейшими, заповеднейшими днями в году были. Поморы говорят: «В промысловую-то пору два-три дня год кормят, только не упусти. Море даст, что возьмешь». И вот, как настают эти таинственнейшие, преизбыточествующие дивным богатством, насыщенные сладчайшим содержанием дни Страстные, дни Пасхи Христовой, не упускай хватать от их сокровищ! Про седмицы Святыя Четыредесятницы говорит народ: «Сестра сестры старше». И вот совершилась душеполезная четыредесятница в четверток шестой седмицы, и просит Церковь увидеть святую седмицу Страстей, воспеть величия находящих дней. Тут день дня богаче, насыщеннее, изобильнее, краше пойдет. По евангельскому чтению, если по одному Евангелию за каждым днем следить, как велик, свят каждый день. «Бе некто боля Лазарь в Вифании...»[100] Точно видишь ты эту Вифанию, точно гащивал ты в ней, точно твои друзья тут жили, точно знавал ты Лазаря.

Как маленький был, к Воскресенью, туда на высокий угор над рекой[101] с матерью ходил в эти Святые дни. И слушал вдохновенно всегда звенящий голос о. Михаила.[102] «Бе некто боля Лазарь в Вифании...» Потом в церкви гимназической тихий, тихий голос святого нашего законоучителя о. Зосимы: «Бе некто боля Лазарь в Вифании...» Из года в год ложились чудные словеса евангельских чтений на сердце. А жизнь, а быт насыщены были предначатием праздника. Словеса церковных служб, церковные чиноположения каждого дня Страстной и Светлой седмицы неразрывно были связаны с бытом домашним. Ведь иная хозяйка и к службе-то не попадет. Но эти приуготовления к празднику, начинающиеся дней за десять. Эта взволнованность предпраздничная в каждом доме всей семьи. Уборка, чистка, украшение комнат, это мытье; закупка таких особых и обильных продуктов праздничных. И, наконец, любезнейшее, сладкое дело — приготовление тест для баб и куличей. Печение куличей и баб. У каждой хозяйки свои рецепты, свой вкус куличей. Потом приготовление сырных пасок. Узоры-то эти — эмблемы Страстей на досках старых пасочниц — как любы были. И крашение яиц, и чистка образов, и... Каким праздником был каждый день и в доме, в хозяйстве, в быту. Праздник насыщал, освящал быт.

Я говорил: по одним евангельским чтениям о каждом дне Страстной седмицы как священен каждый день. Хотя б для протестанта, не признающего уставов, чинов и обрядов Церкви. Но Церковь Христова, сокровищница всякого истинного богатства, как она приумножила евангельский талант, как распространила богатство каждого Страстного евангельского дня. Службами, песньми, чтениями, чином, обрядом, правилом каждый день Страстной увенчан как бы царскою диадемою, одеян в ризы паче царской порфиры, паче парчи и виссона. Чины часов, вечерни и повечерий, утреня... Не хожу (хотя б и по бо-

лезни) к службе, не могу прочитывать ниже[103] выпевать дивных оных стихир, тропарей, канона каждого дня. Тем, о, как окрадываю себя, каким лишенцем являюсь. Литургии преждеосвященные, Василия Великого. Как обогащали всегда, как окрыляли, какую печать на душу клали вставания к ранней... Пение «Да исправится молитва моя», «Ныне силы небесные...». Да, сами себя мы нищими делаем, сами себя богатства лишаем, у себя воруем. У воды стоим, а пить просим.

(Вот церковь поет сегодня <4 нрзб>).

15 марта, суббота Лазарева

Послезавтра Алексия с гор вода.[104] А тепла еще нет. Но весна не за горами. А сегодня «общее воскресение уверяя»[105] поют. Я за немощью не мог опять пойти. А хотелось бы с вербочкой, со свечечкой постоять. Ино и утреня в хлопотню в 3 дня. Думаю, завтра в Пупыши[106] рано уйти. Там в зиму с 7 утра утреня. Я относительно мало читал и мало слышал об ὄντως'е,[107] о таинственной «силе и угодье» праздника Входа в Иерусалим. От сегодняшней службы с вербочками как-то сразу в Страстную седмицу глядишь. А Вход Господень, Воскресение Ваий — чудный праздник. И чу́дная ему служба поется. И дивно это Евангелие. Хотел выписать, но быстро догорает заря, залез на подоконник, и тут темно. А се и гром учинился. Рано налетел, а брата нету дома. Ехать ладит не то в Ростов, не то в Рязань менять. Утром он по хлеб. До 4-х по обед ездит. Вечер теперь все о поездке. А голоден бегает. Кормилец наш, брателко. Я с Мишкой по дому. Ни света, ни... Все у печки, у самоваришка.

17 марта

Алексия человека Божия сегодня. И сегодня святый Великий Страстной понедельник. Тесно уму от торжественности празднеств. Еще хочет душа хвалить, «иже нас ради на жребяти осли сести Изволившаго и со славою Вшедшаго в Иерусалим».[108] Но уж отгремела восторженная «осанна», скоро завопят: «Распни, распни Его!» Уж в отпусте сегодня: «Грядый на вольную страсть...»[109] Святый Страстной понедельник. Страстная седмица началась. День дня больше пойдет. Сегодня сряжался утром к часам, а и к вечерней не попаду службе. Вчера в *Елохове*[110] у обедни еле стоял: и давят, и службы не слышно, и сил мало. А все же ладно, что постоял. Празднично, многонародно. Много, много еще приходит ко Христу Свету.

Сверкает солнце, в тени холодно, скользко, а где солнышко — льет капель и небо синее уж по-весеннему.

А в Благовещенском соборе престол Входа в Иерусалим.[111] И храмовая икона, помню, сияет праздничными красками и золотом.

Ночь гремели пушки. Утром бродил к преждеосвященной, туда к Солянке, к Петру и Павлу. Брателко хотел меня, пока ездит по картошку, управить в Хотьков. Я и сам соблазнялся: чу́дное ведь там весны предначатие, у Радонежа оного. Но, вот, брел Колпачным переулком, брел утре Подкопаевским... Как прекрасно и тут, у нас, в старых московских переулках это начало весны. Ин переулок в гору, другой под гору. Вода вешняя вчера бежала, сегодня за северным ветром мерзнет в тени. А с крыш льет. Сосули блестят, что хрусталь. И слаще скрипок и флейт эта песнь капающей воды.

В Подкопае изумительные старые дома, экими пузами вылезли чуть не на середину переулка. Высокие крыши, оконца, как бойницы. Как крепостца загораживает узкий кривой переулок. Но сколько уюта, сколько очарования в экой древней громадине. На углах Колпашного опять поменьше ростом, но столь же древние, капитальные такие, с какими-то крепостными фундаментами и глухими каменными стенами-оградами домы: коротенькие глухие оконца. И пока идешь до церкви, за старыми стенами много старых дерев: черные искривленные стволы, узор ветвей, корневища инде уж обтаяли. А небо сверкает голубое с золотыми облаками, и снег еще инде сверкает, но много и черных луж, и льду. Что реки во льду скаты у переулочков. И тротуары там старые плиточные... Помянул старые-то дома. Греются они на солнце, жмурят подслепые оконца на вешнее солнышко. Я иду, подслепые глазишки свои тоже жмурю: и солнце блестит, и снег инде в саду блестит, и лед по утреннику блестит, и лазурь небесная, и облака — все сияет. Я подойду да прижмусь где-ка под древним оконцем или у старого неохватного дерева. Тут в заветерии греет солнышко, постою да полюбуюсь: как светло у Господа, он не гасит свет, не отымает тепла. Воробьи воюют, чирикают, небось гнезда вить пора... Родная, милая Москва. Вон купол Ивановского монастыря, вон шпиль готической кирхи. Завернешь у Николы Подкопая, у ампирных его колонн и в гору опять лепись, звеня своим железным батожком. Вот на горочке так дивно подана и старая чудесная церковь. Белая, узорная XVII века с барочной колокольней. Как она красиво стоит на горке: справа, как птичье крыло, широкие древние каменные ступени огибают храм Божий. С крыльца необъятный вид: и Яуза, и Воспитательный вдали, и Кремлевские вдали стены и главы. А под холмом церковным море крыш, и деревья опять, и переулки. С переулка идучи, и не ждешь такого кругозора, такого вида. Родная, милая Москва!

Соблазнился я уехать в Хотьков: там природа. А здесь у нас чем не природа, чем не красота? И вешнее небо, и поутру хрустящий лед, и тающие снега, и по старым переулкам сады: почки скоро будут набухать, а пока узор веток так чудесен на фоне сверкающего неба. И по-

том, как уедешь от служб Страстных!.. Полутемно в храме: только снопы свечей сияют желтыми огнями. Малолюдны эти, извивающиеся от Маросейки к Солянке, к Яузе переулки. А тут в храме тесно стоит толпа.

Вчера вслух читал Миша эти дивные страницы из «Бр<атьев> Карамазовых» — воспоминания детства старца Зосимы о том, как его мать водила на Страстной неделе в храм к преждеосвященным. Дивно там дано это настроение. И Исхода чтение, и Бытия чтение, и дым от кадила стелется, и пение «Да исправится». Уж поминал я, как люблю, как помню и по своим воспоминаниям эти службы первых дней Страстной, еще большего, еще более захватывающего и сильного от дней последующих: Великого четверга, пятка — ждал.

Много прожито и пережито с тех пор. Вот уж я и с батожком ради ледка вешнего брожу, уж и глаза худо видят. А Господь вчера и днесь той же и вовеки. А Церковь Господня вечно юнеет. А служба Божия правится и будет тут или инде по углам до скончания мира совершаться. Великие настали дни и великие образы, еже от зачала вселенной выносит на среду Церковь. И о Моисее, как его воспитала дочь фараона, и от великой, пречудной Книги Иова читал чтец. Великие, с детства родные мне и тебе, и всему роду человеческому родные образы. И Нил-река, и корзинка с младенцем Моисеем. И «От Иова»: «Приде ветер от пустыни и падеся храмина и дети и внуки твои погибли: остахся аз един и придох возвестить тебе... Огнь паде и пожже стада и пастухи твои, остахся аз един и придох возвестить тебе... И раздра Иов ризы своя, посыпал главу перстию и паде о землю и возопи: Господь даде, Господь отъя. Якоже изволися Господеви, тако и бысть. Буди имя Господне благословенно отныне и до века».[112]

В великие дни сии великие прообразы и пророчества приводит Церковь. Кажет величие за величием. То и пето в четверг шестой седмицы: «покажи нам и святую седмицу Страсти Твоя, в нейже воспети величия Твоя и неизреченное о нас смотрение Твое».[113] Не только о событиях по порядку дней Страстной седмицы повествует нам Церковь, но все величие, всю значимость, весь смысл великий, вечный, весь разум вечный, вселенский разум оных дней: Великаго понедельника, Великаго вторника, среды, четверга, пятка, субботы Великия, разум оных дней от зачала мира до конца его в чинах своих, в службах божественных показывает нам Церковь Божия, небо на земле.

И от Матфея заветы вековечные, лицо рода человеческого отражающие, судьбы навечные рода людского отображающие, притчи оные вечные: о десяти девах, о женихе, грядущем в полунощи, о скрывшем талант в землю... Великие темы и прообразы водят нас вокруг Великаго оного вторника. И далее столь заветное, столь любимое, уж столько раз в жизни слышанное: «Да исправится молитва моя...». Помню: там, на родине пели мальчики, трое, эти стихи: «Да исправится», «положи, Господи», «не уклони сердце мое». Тихо, молитвенно выводили

детские голоса нотное пение. А хор многократно подхватывает одно и то же, чу́дное: «Да исправится молитва моя». И «Свет Христов просвещает всех» над склоненными главами молящихся. И «Ныне Силы Небесныя»,[114] и опять «Господи, Владыка жизни моей».

С голодухи худо, худо ножишки ти несут, да еще ползаю на липовой ноге, на березовой клюке, а и обратно пешком побрел. И не меньше, не меньше предначатие праздника на воле. Разве не храм Господень это сверкающее небо, эти облака, это журчание воды. И ледок под ногою. Опять подойду, да постою, да полюбуюсь, инде и присяду на обтаявшей оградке... Не только в стенах храма — во всем Божием мире: в полях, в лесах, вот в тихих этих переулочках, у нас дома в маленьких, с подслепыми полузабитыми оконцами горенках (в малое низенькое оконце, у которого сижу и пишу, так много, так много высокого вешнего неба видно!) — везде стоит, везде — и над городом, и в душах человеческих совершается и происходит Страстная седмица. Слава Тебе, Богу, Благодателю нашему, во веки веков.

Я вот убог, и худ, и беден (наверное, со стороны думают: эх, какой несчастный), а иду и радуюсь и славлю Господа: есть в душе эти переживания, эти настроения, это чувство, эта радость Страстной седмицы. В этом великая милость Божия мне, убогому человеку. И уж не нищий я, а богач. Богаче, много богаче вас, сытые, денежные, здоровые, не терзающиеся печалью о близких, о куске хлеба, о голодной семье. Не оставил меня Господь. Дал мне и семью единомысленную, единоумную. И с брателком, и с «сынишком» одно у нас сердце. Пришел домой, и хоть голодную корочку сидят скут[115] с водой, но сияет лампада пред ликом Царицы Небесной и запел брателко, когда я рассказал, как хорош и свят день, запел брателко: «Да исправится молитва моя...»

Как хорошо, какой свет в душе от Христовой веры.

19 марта, Святая Великая среда

Великие, торжественные, богатые дни, дни, когда надо от величия их петь, молится и плакать, дни, в которые и можно вот ухватиться за пречистые ноги Христовы... Святая Великая среда... Свят день, а впопыхах, в тревоге, в страхе о грядущих беспомощных днях голодовки бьемся. Из столовой уж не принесешь, и поездка рухнула; в отчаянье пришел и многодеятельный братишко. Таково ли приуныли вчера: что будем делать? Уж сегодня голодный сынишко плакал. И нет на земле сильного помощи́ нам.

Утром прохватился: ведь сегодня Святая Страстная среда! Дни-то какие таинственные, всечестные. Голодовка, болезни, в темноте, в грязи мы, некому нас обиходить... Но сегодня среда Страстная.

Убогая душа, где-то там еще исполу живая, знает, какие великие дни пришли. Каковы бы ни были тревоги и заботы, а душе-то славить

Господа охота. Бьется там, в темнице, ничем ее не обманешь, знает, какие дни. Вот, будто два человека в убогом теле моем. Одному страшно и тревожно о голоде, о близких, а другое нечто во мне радуется печали сопротивно. Уж это мои дни приходят, — сердце-то говорит. Рвется сердце-то, как птица на волю. Душа та, уж как ни закоптела, а чует там, что времечко ее пришло. Великая среда... Завтра Великий четверг... Небо приникает к земле в оные великие священные дни; Творец и Украситель твари грядет на вольную страсть. В какие же дни Бог бывает так близок человеку, как не в священнейшие и заветнейшие Страстные дни?! И вот, сквозь заботу и печаль, и тревогу величит душа моя Господа и радуется дух мой о Бозе Спасе моем.[116]

И дровишек-то нет, гнильем надо на стирку хоть полдесятка самоваришков согреть, Мишка убился со стиркой. И мусёнку[117] надо варить из последней чашки муки. И калошишка залить надо сбегать найти армянина. И брата с утра нет: удастся ли где корку хлеба добыть; вот и строчки-то эти пишу больше по догадке. Писать-то пишу, читать-то в лавочку ношу.

А опомнился: Господи, сегодня ведь Святая Великая среда. С детства ведь как эти дни проводили, как переживали. В венцах царских эти заповедные дни, свят каждый час их. Ночи-то каждый час священен, спячи, сам себя окрадываешь. ...Уж днем некогда упразднитися хоть на малый час, дак ночью-то опомнись, ночью-то пободрствуй, подивись да поахай, всплесни руками, что вот какое сокровище, какое неиждиваемое богатство, какой неиссякаемый источник радости у тебя есть! Страстные дни! Великая среда, Великий четверг! Каждый час дня и ночи благ, исполнен ведения, блаженен. Поют на преждеосвященной: «Вкусите и видите, яко благ Господь». От забот, от дум, где бы урвать хоть корку хлеба, не уйдешь. Но и суетясь в делах, в хлопотне, слушай, как твое сердце бьется. Как благовест стоит над миром: Великая среда проходит, Великий четверг настает. Гаснет тихая долгая заря Святой среды, а заря, а рассвет, что после ночи сегодняшней засияет, еще царственнее, еще блаженнее, еще трепетнее... И уж кажется — не вместит душа трепетной радости и благодатности, и тихости, и света этих дивных дней.

«Вкусите и видите, яко благ Господь». Тело-то, руки-те, ноги-те в суете, в беготне, в работе, так и окунаешься ежеминутно в хлопотню. Ну а сердцу-то кто мешает слушать оный тихий, но благодатный, но вечнующий благовест, повествующий о нарастающей радости дней и часов. Ничего, что и в храм не попал: и в храме и на улице, и в полях, и у тебя в горнице эта радость, хватай ее, глотай, как воздух. И увидишь, яко благ Господь!..

К вечеру сбродил за службу. Но уж канон допевали. «Чертог Твой вижду»[118] застал. И уж пели четверговое «Егда славнии ученицы».[119] Войдешь в церковь: в полутьме снопы свеч, на ощупь в народе проле-

заешь. Как-то сердце сегодня открыто было, и стихиры, и все речи среды посильно ложились на сердце. И над толпой высится Распятие, и лампада освещает кроткий лик «наше спасение Содеявшего, на кресте распростершего Свои руки, собирая вся языцы».[120] А песнопения, исполненные величия и печали, гласят о великой жертве Сына Божия Зиждителя, об ученике, предавшем Учителя.

Храм Петра и Павла стоит на горке. В западные входные двери потоком льется свет вечерней зари.

В ночь с четверга на Святый Великий пяток, на 21 марта

Утомился, убегался, днем везде надо было успеть, а охота хоть бы и вялой, усталой строчкой хоть бы память о святом дне. Брат и Миша убрели по деревням с меной. Я проводил, да с тем, с другим и к Божественной *литургии* Великаго четверга не попал. Нать[121] в аптеку, надо по обед: и на Никольскую, и на Поварскую. Я все считал: Москва теперь не моя. А сегодня топаю, где была Китайская стена (а я теперь хожу, дак все в землю гляжу), и уж, верно, ради величия дня «согрелося сердце мое во мне».[122] И думалось: всякая святыня нетленна, неодолима. Разорены святые монастыри, нарушены храмы, но все существует, все пребывает таинственно, и живо все. Великие дни праздников внешнему глазу незаметны. Но пребывает праздник и, как роса, сходит на землю, умащает, облагодатствует тот или другой день, и сердца верные чувствуют, что вот, праздник опустился на город.

Нерушима, нетленна всякая святыня, видит или не видит ее сейчас телесное наше око. Святы были и вечны чинопоследования Страстной, Светлой седмицы в храме. Блаженны были и святы и домашние, семейные, бытовые, уличные приготовления к празднику, ожидание праздника, хлопоты, усталость оная, спех оный предпраздничный, волнение, радование. ...Иду Москвой: Господи, в эти дни (давно ли!) сколько было предпраздничной и праздничной радости, спеху, лилась толпа с праздничными покупками (дома-то радости!). И яства, и подарки и для старых, и для малых. Толпами монашки расписные, филигранные, сахарные яйца продают, а «верба» на Красной,[123] а витрины; везде радость, ожидание праздника. У всех свет, у всех веселье в душах. Что там усталость! Надо и дома праздник устроить, и в церковь сбегать, к 12 Евангелиям, к Плащанице, на погребенье. Ночью на субботу урвутся хозяйки. А там и Христова ночь, Пасхальная, о которой сдумаешь, дак сердцу от предначатия восторга тесно в груди... Этими переживаниями, этими чувствами, этими настроениями насыщена, пропитана еще Москва. Родная, степенная, древняя моя Москва «не умерла, но спит».[124] Но сонное оцепенение града, как спящую царевну, одним поцелуем разбудит Царь.

Брел переулочком к Поварской. И как наяву видится: и в подвальных квартирах, и в бельэтаже вон уж куличики уготованы с розанами, вон яйца красят пунцовые, вон творог кладут в пасочницу.

Это было вот в этих домах, за этими оконцами. ...Родная, милая Москва. И в самом деле: сколько встречных и поперечных, и идущих и едущих несут в сердце праздник. Как хоромы Божии набиты в эти дни. А это самое главное, самое важное: в сердце, в душе иметь радование о празднике. Была бы земля хлебородимая, семена живые, всхожие были бы, а там, чуть солнышко пригреет, цветы-те будут, не окинешь глазом. Надо любить, надо видеть, надо чувствовать сокровенное древнего Города: «Девица не умерла, но спит».

Самые дорогие, самые заветные, самые великие в году переживания: предначатие Пасхи. И несешь их, как сосуд драгоценный, и боишься расплескать. Тихими старыми переулочками брожу к Страстным службам. И вижу, и чувствую, что праздником упоены и эти переулочки, старые камни их, о которых стукаю я железной клюшкой, о празднике журчат ручейки в полдень, и этот хруст ледка рано по утрам. Я чувствую, что по праздничной земле иду, что земля знает праздник. Как знает праздник предвесеннее это вот, ненаглядное святое небо Страстной недели. Иное больше, чем в хороме, где за теснотой, за многолюдством нарушается молитвенная настроенность, в тихих древних улочках попутных ощущаешь, осязаешь, видишь благостную тихость некую и от тихого сияния неба, и от пробуждающейся земли, и от этих древних домов с оконцами, отражающими небо, как младенчески ясные глаза стогодовалых стариков, все это именно в эти дни таинственно благоухает умиленностью, тихим радованием. У этих любых попутных мне старых улочек, у древних камней, у плит, у старых дерев, точно благословляя, протягивающих ветви там и там над тобой идущим, одна радостная дума с небом и с тобой идущим.

У меня глазишки худые, не гляжу на людей проходящих, в землю люблю глядеть. И небесная лазурь, и облака, и тучи — любо и небо, и земля. Сейгод на 3-й день Пасхи Благовещение. Запоют: «Благовествуй, земля, радость велию». Хорошо это — ногами-то по земле ступать да палочкой тукать, <древние камни плит>[125] — это тоже мать-земля. Иду, и она мне сказывает «радость велию».

А в храме — «12 Евангелий».[126]

Великий пяток, 21 марта

Люди — кто как, а мать-землю, а небо не обманешь. От «12 Евангелий» вчера шел — точно в «смирное» платье оделось небо. И земля печальна, снега потемнели за ночь, почернели дороги. Как слезы, не просыхая, стоит по лицу земли вешняя вода, небо повито, как пеленой, облаками, и солнце не кажет сегодня своего лика земле. Тварь сегодня спостраждет Творцу своему и Зиждителю.

Но при пасмурном дне быстр ветер запад. Он летит с полей, с просторов Руси. Он снимает саван снегов. По оврагам ручьи заговорили с ветром. Говорят о пробуждении, о воскресении. «Еще в полях белеет

снег, а воды уж весной шумят. Бегут и будят сонный брег, бегут, и блещут, и гласят».

...Евангелие вчера чли перед высоким Распятием: всея твари Украситель висит, украшенный цветами, Иисусе, ума моего веселие, висит на древе, поникнув челом, смежив очи. Всея твари Украситель украшен страдальческим венцом терновым. Иисусе, красота пресветлая, наг и оставлен на кресте пригвоздися и копием прободся. Иисусе, любы неизреченная, и с креста простирает мне Свои объятия. Чередуется торжественно Евангелие за Евангелием. Каждый год, когда мать-земля просыпается от зимнего сна, таинственно и непостижимо совершаются во вселенной страсти Христовы. А видимое нам их проявление — это службы церковные Страстной седмицы. Это вынос распятия, чтение 12 Евангелий, плащаница, все эти высокоумилительные песнопения.

Ночь на Великую субботу

4-й час нощи. Устал, звон в голове; мои пришли, выходили верст сорок... Пали да спят.

Я тоже еле прибрел от Погребения. И у часов утре не был. Дела, да попыхи, да спехи. Припасть надо, приникнуть к этим дням и только ими дышать, их велегласную тишину слышать. Вот сегодня настал день Великаго пятка, день страшный и хвальный, день, когда и есть не положено.

Пасха Христова 1942 года

Как волна за волной, торжественно нарастали, сменяя друг друга, великие благодатные дни. Пяток, суббота Страстная, священная и преблагословенная. Сегодня уж праздника третий день. И Благовещение. Две радости сегодня ангел благовествует Благодатней: «Чистая Дева, радуйся! — вопиет: — Твой Сын воскресе! И паки реку: днесь спасения человеческаго начаток, днесь вечной тайны явление. Днесь Сын Божий Сын Девы бывает».[127]

Два венца носит сегодня день. Венец Пасхи и венец Благовещения. Два света днесь светят миру. Два солнца согревают человеческие души. Поют «Христос воскресе» и архангельский глас «Радуйся».

Пасха Христова... Блаженные, обрадованные дни настали и проходят. Гости дорогие, любезные сердцу, которых так жадно ждал, пребывание которых так сладко, так упоительно, сии нареченные Святые дни, ихже сотвори Господь, дни Пасхи, праздник праздников и торжество торжеств вот уж и проходят. Как солнце, не стоит ведь на небе, но по радостном восходе и сияющем полдне пойдет и солнце на запад. Так и пасхальные ненаглядные, любимые, дражайшие дни.

Всю жизнь я так: трепетно жду дней Пасхи. С восторгом (как Бог поможет) сладостно провожу Христову ночь. А потом начинаю гру-

стить: вот скоро и пройдут столь трепетно ожидаемые, вожделенные дни Светлой седмицы.

Среда Светлой седмицы

Так бы обнял, так бы припал, ухватился за дни «праздника праздников» и остался бы с ними. А это верно: остался бы с Пасхою, отверзающею толь дивно во ад настоящего жития райские двери. О, какое благодатное, сияющее чудо, какое дивное дело живет с нами на земле! Какое Солнце восходит в нас и для нас! О, Пасха велия и священная, Христе!

Вот живем мы, люди, павшие, долу поникшие, унылые, одряхлевшие телом и душою, угнетаемые заботами, обиженные, раздраженные, жадные, завистливые, и больные, и горькие, и несчастные. Влачим дни, по будням заношенные. Но вот от дней Великаго поста начинает брезжить трепетная заря. Почему радостен пост? Потому что <запись обрывается>.

13 мая, вторник по Пентикос[128]

Евангелие — не книга для назидательного чтения, не сборник повествований, не памятник еврейско-эллинистической литературы. Т. е. эти определения могут быть употреблены, но определяют они малое, незначительное, второстепенное. Евангелие — это благодатный горний ветр, всегда проносящийся во вселенной, Евангелие — это вешняя гроза, оживляющая, очищающая. Евангелие — утренний благовест, блаженный, благодатный, зовущий к вечному свету, к радости. Упразднись на малый час от суеты мира, от злоб дня, коснись сердцем тишины, которую дает Начальник тишины, и ты услышишь этот благовест, проносящийся над миром. Евангелие — река жизни, напояющая водою живою море земного нашего бытия. Если бы не Евангелие, житейское наше море было бы мертвым морем. Евангелие — луг, усеянный цветами, и благоухание евангельских лилий струится над землею, и, раз ощутив Христово благоухание, уже не хочешь смрада мира сего... Евангелие — вечная, присноюнеющая весна души человеческой, Евангелие — благоухание вечной в нас весны, сияющая вешняя лазурь над мрачным сим миром.

Не помнишь ведь, с какого времени падет в душу, напр<имер>, красота лазури небесной, поразит праздничность цветущего луга, так и евангельские благоуханные рассказы от раннего детства отпечатлеваются в памяти, в сердце. Отдельные благовествования как-то ближе становятся, любишь их больше. Евангелие — чудо, и отдельные благовествования-чтения — чудо, и на всю жизнь западают события евангельские в душу.

Евангелие — кошница благодатных семян, падая в сердце человеческое, они могут дать плод сторицею.

...Я мало жил светлым евангельским благовестием, мало вникал. Болотисто, иловато, тинисто поле души моей для святых семян евангельских. А Евангелие — жизнь. И эта жизнь — единственный свет человеком. Вечен немерцающий, нестареющий этот свет. И днесь во тьме светится, и тьма его не объят. А я как корова стою, жвачку жую, будто не мое и дело... Так поле душевное и одичало, и не вытравить мне плевел, насеянных недремлющим врагом.

Евангелие было благодатным источником, оживотворившим корни эллинистического искусства и словесности. Явилось в мир Слово Отчее, всея твари Украситель, Сам сый Красота пресветлая, Слово, имже вся быша, и отселе зодчие, живописцы, ваятели, философы, поэты вдохновлены, воодушевлены, одухотворены единственно чудом Евангелия. Облагодатствованные, оплодотворенные живоносною, животворящею *верою* Христовою, культуры Греции, Рима и Востока дали благоуханные цветы и плоды «на Севере, и Западе, и Юге, и Востоке». Христианская культура дала благословенные, благоуханные цветы и плоды не только в самой Греции и Риме, но, по слову Зиждителя: «Растите, множитесь, наполняйте землю»,[129] — благодатно расцвела и принесла сторичный плод во всех народах романских, германских, славянских, не говоря о Ближнем Востоке.

Тысячу лет Русь жила только этой культурой (а все, что не эта культура, — не культура). И века дети Руси святой, мой род, моя семья не знали иного света, кроме света *веры* Христовой, мой род, моя семья, моя среда посмеялись бы и отошли как от пустомели, как от шутника от всякого, кто стал бы говорить, что есть иные знания, иные истины (!!), иная красота, иное добро, кроме тех красот и высот, кроме того добра и света, которым учит, на которые указывает культура христианства. Жили в слабостях, в грехах, но что иных красот, иного добра, кроме красот и благ *веры* Христовой, нет и быть не может, — в этом не сомневались.

Как часто я ропщу на Бога, обижусь на свое убожество, болезни, нужду неизбывную. Но, как бы ни разорялся, в какое бы отчаяние ни впадал, в какой бы безысходности дни ни тянулись, а и холодным рассудком я всегда знаю и подтверждаю, что у человечества нет ценностей выше и нужнее Бога, Церкви и Христианства... Вспомнил последнюю строфу «стиха» о преподобном Серафиме Саровском: «Ибо все мира сокровища тленные нашей душе не заменят Христа».[130]

Живопись... Всякое событие евангельское многократно изображено художниками всех времен и народов. Но некоторые темы были излюбленными, особо любимы и художниками, и народом. Так и каждый человек индивидуально, выросший, хотя бы относительно, в стихии Церкви Христовой. Все христиане, без различия исповедания, относились к Евангелию, к текстам евангельским с уважением. И вот еще у каждого человека любы могут быть отдельные места, отдельные дни лазурные, ночи грозовые, утра благодатные, тихие зори

поздновечерние святого Евангелия... Можно любить особливо того или другого евангелиста. И уж тут дивлюся и благоговею пред сыном грома, возлюбленным учеником Христовым Иоанном, чей символ орел, кто является, в молнию себя претворяя. В светозарную, таинственную Христову ночь гремит Евангелие Иоанново о предвечном рождении Сына Божия: «В начале бе Слово. ...В нем была жизнь, и жизнь была свет человекам. И свет во тьме светится и тьма его не объят».[131] Пречудно и преславно приведена у Иоанна прощальная преблагословенная беседа Господа Иисуса Христа с учениками. Иисусе, сило непобедимая, Иисусе, милосте бесконечная, Иисусе, красото пресветлая, Иисусе, любы неизреченная, говорит здесь и о радости, которую никто не отымет, о мире, мире Христовом, который только и может уврачевать раны человечества. О любви еще и еще говорит здесь Он, Солнце Правды и Любви: «Больше сея любви никтоже имат, да кто душу свою положит за други своя».[132]

И столь знаменательная, путь Церкви и жизнь Церкви в веках являющая, в сферы вечного нас возносящая, дающая нашему сердцу коснуться вневременного — беседа господа с апостолом Петром: «Любиши ли Мя?.. Паси овцы Моя, паси агнцы Моя».[133]

Ходишь убогой мыслию своей по величиям Иоаннова Евангелия и дивишься: одно другого больше...

Четыре евангелиста, едино Евангелие. «Четыре орла одно яйцо снесли», — говорит образно народ. А как пречудно, как любо, каким благоуханием золотого детства, родною семьею, заветными праздничными днями пахнет, когда откроешь главы о Христове Рождестве: «Иисус Христово Рождество сице бе...»[134] (читается на вечери Рождества Христова и на утрени); «Иисусу рождшуся в Вифлееме иудейском во дни Ирода царя»[135] (на литургии). И у Луки: «Бысть во дни тыи, изыде повеление от кесаря Августа...»[136]

По человечеству, по заветнейшим и дорогим воспоминаниям о родном доме, сладчайшим воспоминаниям о благостной обстановке праздника, о тех временах, когда быт целого города благоухал и напоен был ароматом Рождества, — дороги и любы, сердце сладко, как в детстве, заставляют дрожать эти, во всем христианском мире излюбленные рождественские благовествования. И в православных хоромах, и в католических капеллах, и в лютеранских кирхах месяца декабря в 25 день везде сердца человеческие сладко плачут от умиления, когда звучат эти чтения от уст священника.

Чтение Евангелия — один из важных моментов утрени, *литургии.*

«Во время оно», — несется из алтаря. И затаят дыхание православные, склонив головы. А над городом или селом проносится звон «к Евангелию». И слышат плывущий над городом звон и занятые люди, и больные на своих одрах, и подымается рука для крестного знамения...

Евангельское благовествование в чине богослужения как одна из жемчужин в золотой оправе. Вот праздник двунадесятый. И уж помнишь и ждешь, любя, как зачитают в Благовещение: «В месяц шестый послан бысть Гавриил»,[137] а в Преображение гору видишь, осиянную блаженным светом Фаворским: «И лик Его был светел, яко солнце, и одежды белы, яко снег».[138] А в Вознесение, когда «все цветы расцветают, Христа Батюшку в небесные сады потаенною молитвой провожают»,[139] слушаешь Евангелие и видишь и утро весеннее там, на Масличной горе, и зелень, и камни, утреннюю росой омытые, и молодые ростки дерев масличных благоухающие. И ученики в гору подымаются, и Он среди них. Вешний ветер развевает воскрилия одежд, пряди волос.

Он особенно светел сегодня, «еже о нас исполнив смотрение, и яже на земли соединив небесным»[140]... Все выше восходят, шире дали, долина, городок. Его лик торжественен и задумчив. Он прожил жизнь человеческую на этой земле. Он рожден был в убогом вертепе, положен в ясли... Вот он отрок, мастерская плотника Иосифа... А гора выше и выше, шире и шире небесная лазурь. Но, истинный человек, Он и Бог истинный, от Отца рожденный прежде всех век. Он в начале бе, Он Отцу единосущен, чрез Него все на́чало быть.

Все, все совершено на земле. Днесь Он взойдет на небеса и сядет одесную Отца.

А день голубой: свет и лазурь. И вот Господь посылает апостолов на проповедь (это священник в алтаре читает, а ты видишь...). «И егда благословляше, отхождаше от них и возношашеся на небо».[141] Он весь лазурный, этот праздник Вознесения Христова. Весь в золоте утра и дня. Вечной лазурью овеяно евангельское чтение этого дня Господня. Да и эти благовествования, что идут после рассказа о Христовом Воскресении, уже все по ту сторону земного бытия, там уж все небо, все горнее.

N.B. После написанного об Евангелиях пасхальных, надо об Евангелиях страстных. После страстных вот об этих лазур<ных>.

---

[1] В рукописи даты, а во многих случаях и другие числа, записаны кириллицей. Даты в дневнике даны по старому стилю. Для Шергина это важно, так как он продолжал жить по православному дореволюционному календарю. Также Шергин частично сохраняет дореволюционную орфографию, используя «и десятеричное», «яти», «еры», иногда пишет в окончаниях прилагательных «-аго», а не «-ого», однако делает это непоследовательно, часто используя современные грамматические формы и орфографию. При подготовке дневников к публикации архаические формы сохранены лишь в принципиально важных случаях (цитатах и др.).

[2] *Хором* — храм.

[3] *Помощник и Покровитель.* — ирмос 1-й песни Великого покаянного канона преподобного Андрея Критского («Помощник и Покровитель бысть мне во спасение, Сей мой Бог, и прославлю Его, Бог Отца моего, и вознесу Его: славно бо прославися»).

[4] *...«мост на семь верст, на конце моста золотая верста»...* — загадка, в которой мостом на семь верст назван Великий пост (семинедельный), а золотой верстой — Пасха.

[5] *Как свинья в калу.* — Шергин применяет к себе слова из «Покаянного канона ко Господу нашему Иисусу Христу»: «Якоже бо свиния лежит в калу, тако и аз греху служу».

[6] *Тундроватый* — «некрасивый, толстый (о лице). Тундровато лицо, толсто, здорово лицо, толстоморда, а ина тонкомаза, красива. Пинеж. Арх., 1958» (Словарь русских народных говоров. Вып. 45. СПб.: Наука, 2012. С. 249).

[7] *Брателко* — так Шергин называл *Крога Анатолия Викторовича* (1895?—1959), по неподтвержденным сведениям — своего дальнего родственника по материнской линии.

[8] *Мальчуган — Барыкин Михаил Андреевич*, воспитанник Шергина, которого он называл «богоданным племянником».

[9] *Господь сказал: мир Мой даю вам ~ никакая болезнь...* — См.: Ин 14: 27; 16: 22.

[10] *Иосаф царевич.* — Преподобный Иосаф, индийский царевич, который, став христианином, покинул царство и ушел в пустыню.

[11] Шергин потерял ступню одной ноги и травмировал вторую ногу 20 авг. 1919 г., неудачно спрыгнув с подножки идущего трамвая.

[12] *«Объятия отча...»* — седален по 3-й песни в Неделю о блудном сыне: «Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно изжих мое житие, но на богатство неизживущее взираю щедрот Твоих, Спасе: ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе бо, Господи, умилением зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою».

[13] Здесь и далее курсивом выделены слова, при написании которых Шергин использовал тайнопись, так называемую «простую литорею» (основанную на замене согласных), известную в русской рукописной традиции с XIV в.

[15] Далее зачеркнуты слова: «и бедами неутомимыми, с этими слезами неусыхающими к отцу».

[15] «*Христе, Свете истинный ~ свет лица Твоего!*» — начало молитвы иерея во время богослужения первого часа.

[16] *...образ есмь неизреченной славы Его, аще и носит язвы греха...* — «Образ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу прегрешений» (тропарь заупокойных служб).

[17] *«Придите ко Мне и Аз упокою вы».* — «Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы» *(Мф 11: 28)*.

[18] *Сице* — так, таким образом (*ц.-сл.*).

[19] *Глубиною мудрости ~ на пользу вся подавающий...* — См.: «Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй, и полезное всем подаваяй, Едине Содетелю, упокой, Господи, души раб Твоих: на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего» (тропарь из последования панихиды и чина погребения умерших).

[20] *...узреть Христа ~ рекущего ясно: «Радуйтеся».* — См.: Песнь 1 Пасхального канона: «Очистим чувствия, и узрим неприступным светом воскресения Христа блистающася, и “Радуйтеся!” рекуща ясно да услышим, победную поюще».

[21] *Экклисия*, экклесия (*др.-греч.* ἐκκλησία) — церковь.

[22] Почитание иконы Божией Матери «Утоли моя печали» совершается 7 февр. (25 янв. по ст. стилю). Одна из наиболее почитаемых чудотворных икон Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали» ранее пребывала в храме Николая Чудотворца, что на Пупышах. В начале 1930-х гг. церковь была закрыта (впоследствии разрушена), а образ был перенесен в храм святителя Николая в Кузнецах, где он остается и поныне.

[23] *Анатолий I* Оптинский (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов; 1824—1894) — старец Оптиной пустыни; прославлен в лике преподобных в 2000 г.

[24] *Григорий Феолог* (*греч.* Теолог) — Григорий Богослов (ок. 325—389), святитель, архиепископ Константинопольский, один из трех Вселенских святителей и учителей наряду с Василием Великим и Иоанном Златоустом.

[25] *Иоанн Хризостом — Иоанн* Златоуст (Златоустый, *греч.* Хризостом) (ок. 347—407), один из трех Вселенских святителей и учителей.

[26] *Ексапсалмы* (*греч.*) — шестопсалмие; одна из важнейших частей утреннего богослужения Православной Церкви, состоящая из шести псалмов (3, 37, 62, 87, 102 и 142).

[27] *О. Зосима — Калашников Зосима Иванович* (1871—1939), в 1914—1917 гг. — законоучитель Архангельской мужской гимназии, где в то время учился Шергин. В 1926 г. был осужден и выслан из Архангельска на три года. В 1930 г. был вновь арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и выслан в Ненецкий округ, где он и умер 7 окт. 1939 г. Реабилитирован в 1992 г.

[28] *Иже пресвясвятаго Твоего Духа в третий час апостолам Твоим ниспославый...* — Тропарь третьего часа в Великий пост: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим ниспославый: Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся».

[29] *Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей Христе Боже.* — Тропарь шестого часа в Великий пост: «Иже в шестый день же и час, на кресте Пригвождей в раи дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас».

[30] *Иже в девятый час на кресте плотию смерть вкусивый...* — Тропарь девятого часа в Великий пост: «Иже в девятый час нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрование, Христе Боже, и спаси нас».

[31] *«Когда же стал я мужем, младенчество оставил».* — 1 Кор 13: 11: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое».

[32] *...«Придите ко Мне, труждающиеся и обремененные».* — См. примеч. 18.

[33] *...«море даст, что возьмешь».* — Одна из пословиц, которая приводится в словаре В. И. Даля к слову «море» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. СПб.; М.: изд. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. С. 346).

[34] *Царство Божие нудится.* — «От дний же Иоанна Крестителя доселе Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е». В синодальном переводе: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11: 12).

[35] *...«Где Ты, Христос, сияющий лучами»...* — цитата из стихотворения С. Я. Надсона 1880 г. («Христос! Где Ты, Христос, сияющий лучами / Бессмертной истины, свободы и любви?»)

[36] *Мефимон* — Великое повечерие с чтением Великого покаянного канона святого Андрея Критского, совершается в понедельник, вторник, среду и четверг первой седмицы и в четверг пятой седмицы Великого поста. Великое повечерие именуется в просторечии мефимон или ефимон (*др.-греч.* μεθ᾽ ἡμών — «с нами»). Такое название служба получила потому, что на ней звучит песнопение «Яко с нами Бог!» (*др.-греч.* Ὅτι μεθ᾽ ἡμῶν ὁ Θεός).

[37] *Петра Павла* — храм святых апостолов *Петра* и *Павла* у Яузских ворот (на Кулишках). Шергин чаще всего ходил в этот храм, ближайший к его дому в Сверчковом переулке из тех, которые не закрывали в советское время.

[38] *...пора черную шапку завести.* — Шергин иносказательно говорит о своем стремлении к монашеству.

[39] *...«которую священник повторяет ~ великого поста»...* — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836).

[40] *...«желает и скончавается душа моя во дворы Господни»...* — Пс 83: 3; *...«коль возлюблена селения Твоя, Господи сил»!* — Пс 83: 2.

[41] *...отченька мой Антоний...* — преподобный Антоний Оптинский (в миру Александр Иванович Путилов; 1795—1865), старец Оптиной пустыни.

[42] *...«уверенность в невидимом ~ как бы в настоящем».* — «По объяснению святого Апостола Павла, есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых (Евр. 11, 1), т. е. уверенность в невидимом — как в видимом, в желаемом и ожидаемом — как в настоящем» («Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной церкви», так называемый «Филаретовский». 1-е изд.: 1823). Ср.: Евр 11: 1: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».

[43] *Моисей* — преподобный Моисей Оптинский (в миру Тимофей Иванович Путилов; 1782—1862), схиархимандрит, настоятель и старец Оптиной пустыни.

[44] *Пригорновать* (пригорновение — объятия, ласка), пригорнути, пригорнутися — прижаться, прильнуть (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1994. Вып. 19. С. 136).

[45] *Лев-Леонид* — преподобный Лев (Леонид) Оптинский (в миру Лев Данилович Наголкин; 1768—1841), основатель старчества в Оптиной пустыни.

[46] *Макария* — преподобный Макарий Оптинский (в миру Михаил Николаевич Иванов, 1788—1860). Старец Оптиной пустыни.

[47] *Амвросий* — преподобный Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812—1891), старец Оптиной пустыни.

[48] *Иосиф* — преподобный Иосиф Оптинский (в миру Иван Ефимович Литовкин, 1837—1911). Старец Оптиной пустыни.

[49] *Иларион* — преподобный Иларион Оптинский (в миру Родион Никитич Пономарев; 1805—1873), старец Оптиной пустыни.

[50] *Исаакий* — преподобный Исаакий Оптинский (в миру Иван Иванович Антимонов; 1810—1894), схиархимандрит, настоятель и старец Оптиной пустыни.

[51] В составе Собора Оптинских старцев прославлены преподобные Анатолий I, или старший (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов; 1824—1894) и Анатолий II, или младший (в миру Александр Алексеевич Потапов; 1855—1922).

[52] *Нектарий* — преподобный Нектарий Оптинский (в миру Николай Васильевич Тихонов; 1853—1928), старец Оптиной пустыни.

[53] Преподобный Амвросий Оптинский — один из прототипов старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

[54] *Опрометывается,* опрометыватися — оборачиваться, превращаться в кого-либо, во что-либо; также образно (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1987. Вып. 13. С. 49).

[55] *Истина Господня пребывает в век.* — «Яко утвердися милость Его на нас, и истина Господня пребывает во век» (Пс 116: 2).

[56] *...«глупому сыну не в помощь богатство».* — Слова Стародума из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

[57] *«Сама себя раба бьет...»* — Сама себя раба бьет, коль не чисто жнет (пословица). Шергин приводит ее полностью выше, в записи от 3 февр. 1942 г.

[58] *«Поэзия ему любезна...»* — неточная цитата из оды Г. Р. Державина «Фелица» («Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна, / Как летом вкусный лимонад»).

[59] *Симпозион* — то же, что Симпозиум, — философское сочинение Платона о любви, датируемое ок. 385—370 гг. до н. э. (в России традиционно переводится под названием «Пир»).

[60] *«Часовник»* — сборник православных молитв.

[61] *«Устав»* (иначе: «Типикон») — церковно-богослужебная книга, устанавливающая порядок православного богослужения.

[62] *«Лествица»* — «Лествица, или Скрижали духовные» (кон. VI в.) — одно из самых известных христианских аскетических руководств, основное сочинение преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайского монастыря.

[63] *«Словеса постнические»* — творения прп. Исаака Сирина Ниневийского (2-я пол. VII в.), известные в России с 1812 г. в переводе Паисия Величковского.

[64] *...«чего-то нет, чего-то жаль, куда-то сердце мчится вдаль».* — Ср.: «Кого-то нет, чего-то жаль, / Куда-то сердце рвется вдаль» — строки из популярной песни «На последнюю пятерку» (вариант названия «Кого люблю, того здесь нет»). Впервые записана Михаилом Вавичем 5 июля 1910 г.

[65] *Все страсти на моем хребте работали.* — См.: «Делаша на хребте моем вси начальницы страстей, продолжающе на мя беззаконие их» (Великий покаянный канон прп. Андрея Критского. Песнь 2); также: «На хребте моем делаша грешницы, продолжиша беззаконие свое» (Пс 128, 3).

[66] *...как пес, продолжал бы возвращаться на блевотину свою.* — Ср.: «Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою» (Притч 26: 11).

[67] *Блудно иждих молодые годы.* — См. примеч. 12.

[68] *Глубиною мудрости ~ на пользу есть подаваяй...* — См. примеч. 19.

[69] *Австрийские еретики* — вероятно, Шергин имеет в виду русскую старообрядческую церковь с центром в Рогожской слободе в Москве, принимающую окормление Белокриницкой (Австрийской) иерархии.

[70] *...«человека не имам»...* — См.: «Отвеща Ему недужный: ей, Господи, человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель» (Ин 5: 7).

[71] *...со что меня не будет...* — на что меня не хватит (*диал.*).

[72] *М. Евфросиния* — вероятно, монахиня Евфросиния (Баранова; 1892—1974), после закрытия Переславльского Феодоровского женского монастыря, насельницей которого она была, поселившаяся в Загорске (Сергиевом Посаде).

[73] Шергин использует вместо «во веки веков» традиционное дореформенное написание «во веки веком», которого придерживаются старообрядцы.

[74] *...льна курящегося не угасит и трости надломленной не переломит...* — См.: «Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы» (Мф 12: 20).

[75] *Василиск* — преподобный Василиск Сибирский (Туринский) (в миру Василий Гаврилович Гаврилов; ок. 1740—1824), сибирский пустынножитель; канонизирован в 2004 г.

[76] *Зосима Верховский* — преподобный Зосима (в миру Захария Васильевич (Богданович) Верховский; 1768—1833), схимонах, духовный писатель, основатель Туринского Николаевского монастыря и Троице-Одигитриевской пустыни; канонизирован в 2004 г.

[77] *Феодор* — вероятно, имеется в виду праведный Феодор Томский (Феодор Козьмич), старец (1776/77—1864); канонизирован в 1984 г.

[78] *Митрофан* — святитель Митрофан Воронежский (в миру Михаил, в схиме Макарий; 1623—1703), епископ Воронежский и Елецкий; причислен к лику святых в 1832 г.

[79] *Феодосий* — святитель Феодосий Черниговский (фам. в миру Полоницкий-Углицкий; 1630-е — 1696); канонизирован в 1896 г.

[80] *Иннокентий* — святитель Иннокентий Иркутский (в миру Иван Кульчицкий; 1680 или 1682—1731); канонизирован в 1804 г.

[81] *...в Елохове...* — Богоявленский кафедральный собор в Елохове в 1938—1991 гг. был патриаршим собором Русской православной церкви.

[82] *...«яко обретеся погибшая драхма»...* — Из песнопения православного богослужения (глас 6 Богородичен по воскресном тропаре): «Пришел еси на страсть вольным хотением, возсияв на Кресте, взыскати хотя Адама, глаголя Ангелом; срадуйтеся Мне, яко обретеся погибшая драхма...» См. притчу о потерянной драхме (Лк 15: 8—10).

[83] *заблудившее в дебрях расколов овча.* — Ср.: «Заблудих, яко овча погибшее, взыщи раба Твоего, яко заповедей Твоих не забых» (Пс 118: 176).

[84] *...душу полагавший за овцы...* — См.: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец». См. притчу о добром пастыре и наемнике (Ин 10: 1—16).

[85] *Ропетовские петушки* — русский (псевдорусский) стиль в архитектуре конца XIX — начала XX в.; также иронично называли «петушиным» стилем или «ропетовским» («ропетовщиной») — по имени основоположника этого стиля *Ропета Ивана Павловича* (1845—1908).

[86] В дневнике очевидная описка: «XV—XVIII вв.». Исправлено по смыслу.

[87] Речь идет о храме Сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище. Построен в 1832 г. по проекту архитектора Ф. М. Шестакова.

[88] *Легко там теперь: наше стало.* — На протяжении нескольких лет храм был обновленческим, а в годы войны возвращен Московской патриархии.

[89] *«Ныне суд миру сему ~ изгнан будет вон».* — Ин 12: 31.

[90] *...«что пройдет, то будет мило».* — Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825).

[91] *С утра поползу куда ле.* — Шергин нередко использовал диалектную частицу «ле» (вместо «ли»).

[92] *...«Царство Небесное нудится, и нуждницы восхищают е».* — См. примеч. 34.

[93] *...не имам слезы утешительныя.* — См. молитву из Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу («...не имам покаяния, не имам умиления, не имам слезы утешительныя, возводящия чада ко своему наследию»).

[94] *...в церкви у о. Сергия Мечева.* — Священномученик Сергий Мечёв (1892—1942) служил в московской церкви Святителя Николая в Кленниках на Маросейке с 1919 г. После смерти отца, преподобного Алексия Мечева, был с 1923 г. до ареста в 1929 г. настоятелем храма. Расстрелян 6 янв. 1942 г.; канонизирован в 2000 г.

[95] *«Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят».* — Мф 5: 8.

[96] *Ряхнешь* — рухнешь, упадешь (*диал., сев.*).

[97] *Лазарева суббота* — Суббота святого и праведного Лазаря, суббота шестой седмицы Великого поста. В этот день христиане воспоминают чудо воскрешения Иисусом Христом праведного Лазаря (Ин 11: 1—45).

[98] *Завтра служба о неделе Ваий.* — Неделя Ваий (Вербное воскресенье) — последнее воскресенье перед Пасхой, празднование Входа Господня в Иерусалим.

[99] *Велик понедельник, Велик вторник, среда Великая...* — Дни Страстной седмицы, именуемые Великими, или Страстными.

[100] *«Бе некто боля Лазарь в Вифании...»* — Ин 11: 1.

[101] *...к Воскресенью, туда на высокий угор над рекой...* — В Архангельске приходским храмом семьи Шергиных была церковь Воскресения Христова (нач. XVIII в.) на берегу Северной Двины. Разрушена в 1929 г.

[102] *О. Михаил* — протоиерей Михаил Попов, с 1892 г. служивший в Воскресенской церкви Архангельска (с 1906 г. — настоятель храма). Был арестован в 1920 г., повторно — в 1926 г.; выслан в 1927 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

[103] *Ниже* — даже ни, и не, также не (*ц.-сл.*).

[104] *Алексия с гор вода* — народное название празднования памяти Алексия, человека Божия (17 марта по ст. стилю).

[105] *...«общее воскресение уверяя»...* — См.: «Общее воскресение прежде Твоея страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже...» (тропарь праздника Входа Господня в Иерусалим).

[106] *Пупыши* — храм святителя Николая, что в Пупышах, разрушенный в 1930-х гг. Вероятно, Шергин имеет в виду находящийся неподалеку от него храм Святителя Николая в Кузнецкой слободе, который не закрывался.

[107] *ὄντως* — сущность вещей, субстанция (*греч.*).

[108] *...«иже нас ради на жребяти осли ~ Вшедшаго в Иерусалим».* — Ср.: «Иже на жребяти осли сести изволивый, нашего ради спасения, Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матере, святых славных и всехвальных Апостол, и всех святых, помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец» (богослужебный отпуст в неделю Цветную).

[109] *...«Грядый на вольную страсть...»* — См.: «Грядый Господь на вольную страсть, нашего ради спасения...» (начало богослужебного отпуста вечером в неделю Цветную).

[110] *...в Елохове...* — См. примеч. 81.

[111] Престол придела Входа Господня в Иерусалим Благовещенского собора Московского Кремля был освящен в 1566 г.

[112] *«Приде ветер от пустыни ~ отныне и до века».* — Шергин вспоминает паремии из Книги Иова, читающиеся на церковных службах Страстной седмицы (Иов 1: 19—21).

[113] *...«покажи нам и святую седмицу ~ неизреченное о нас смотрение Твое».* — См.: «Душеполезную совершивше Четыредесятницу, и святую седмицу страсти Твоея, просим видети Человеколюбче, еже прославити в ней величия Твоя, и неизреченное нас ради смотрение Твое, единомудренно воспевающе: Господи слава Тебе» (церковное песнопение в Лазареву субботу).

[114] *...«Ныне силы небесныя»...* — «Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы, се жертва тайная совершена дориносится» (из песнопения Литургии Преждеосвященных Даров).

[115] *Скать* — здесь: замачивать, размешивать в воде (*диал.*).

[116] *...величит душа моя Господа и радуется дух мой о Бозе Спасе моем.* — «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем» (Песнь Богородицы, песнопение утрени; см.: Лк 1: 46).

[117] *Мусёнка* — размешанная в воде мука.

[118] *«Чертог Твой вижду»...* — «Чертог Твой вижду, Спасе мой...» (богослужебное песнопение, поющееся в первые четыре дня Страстной седмицы).

[119] *...«Егда славнии ученицы».* — Поется в Великий четверг и на утрене Великой пятницы.

[120] *...«наше спасение Содеявшего ~ собирая вся языцы».* — См.: «Спасение соделал еси посреде земли, Христе Боже, на Кресте пречистеи руце Твои простерл еси, собирая вся языки, зовущия: Господи, слава Тебе» (тропарь 6-го часа Царских часов Страстной пятницы).

[121] *Нать* — надо (*диал., сев.*).

[122] *...«согрелося сердце мое во мне».* — «Согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огнь» (Пс 38: 4).

[123] *...«верба» на Красной...* — «Верба» — в дореволюционное время весенний базар на Красной площади в Лазареву субботу и Вербное воскресенье.

[124] *...«не умерла, но спит».* — Мф 9: 24; Мк 5: 39; Лк 8: 52 (Воскрешение Иисусом Христом дочери Иаира).

[125] *...<древние камни плит>...* — Прочтение предположительно, так как чернила размазаны, слова угадываются с трудом.

[126] *«12 Евангелий»* — Служба «Двенадцати Евангелий» — великопостное богослужение (утреня Великой пятницы), совершаемое вечером Страстного четверга.

[127] Шергин объединяет строки из церковных песнопений Благовещения и Пасхи.

[128] *...вторник по Пентикос.* — Вторник по Пятидесятнице (Pentecost — *греч.* Πεντηκοστή — Пятидесятница, День Святой Троицы).

[129] *...«Растите, множитесь, наполняйте землю»...* — «И благослови их Бог, глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю...» (Быт 1: 28).

[130] *...«Ибо все мира сокровища тленные нашей душе не заменят Христа».* — Неточная цитата из стихотворения Лидии Кологривовой «Памяти преподобного Серафима Саровского» (1903). Ср.: «Ибо все мира сокровище бренное / Нашей душе не заменит Христа!..»

[131] *...«В начале бе Слово ~ тьма его не объят».* — См.: Ин 1: 1, 4—5.

[132] *...«Больше сея любви ~ положит за други своя».* — См.: Ин 15: 13.

[133] *...«Любиши ли Мя?.. ~ паси агнцы Моя».* — См.: Ин 21: 11.

[134] *...«Иисус Христово Рождество сице бе...»* — См.: Мф 1: 18.

[135] *...«Иисусу рождшуся ~ во дни Ирода царя»...* — См.: Мф 2: 1.

[136] *...«Бысть ~ повеление от кесаря Августа...»* — Лк 2: 1.

[137] *...«В месяц шестый послан бысть Гавриил»...* — См.: Лк 1: 26.

[138] *...«И лик Его был светел, яко солнце, и одежды белы, яко снег».* — См.: Мф 17: 2.

[139] *...«все цветы расцветают ~ молитвой провожают»...* — См.: «К Вознесенью-ву дню все цветы весенние зацветают — Христа-Батюшку в небесные сады потаенной молитвою провожают» (*Коринфский А. А.* Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: изд. М. В. Клюкина, 1901. С. 271).

[140] *...«еже о нас исполнив ~ соединив небесным»...* — Из кондака на Вознесение Господне.

[141] *«И егда благословляше ~ возношашеся на небо»* — См.: «И бысть егда благословляше их, отступи от них и возношашеся на небо» (Лк 24: 51).

Библиографический список

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: изд. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2.
2. Из дневника Б. В. Шергина: [1946—1949 гг.] / публ. и вступ. ст. Ю. Ф. Галкина // Север. 1976. № 6.
3. Из дневников Б. В. Шергина за 1940 и 1949 годы / публ. Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
4. *Коринфский А. А.* Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: изд. М. В. Клюкина, 1901.
5. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2012. Вып. 45.
6. Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1987, 1994. Вып. 13, 19.
7. [*Филарет (Дроздов), митр.*]. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной церкви. [1-е изд.]. СПб.: Синодальная типография, 1823.

8. *Шергин Б. В.* [Из дневников] / публ. Ю. Ф. Галкина // Поэзия: Альманах. М., 1983. Вып. 36.
9. *Шергин Б. В.* «Я ли не богат?» / публ. Ю. Ф. Галкина // Северный комсомолец. 1988. 20—26 авг. № 34.
10. *Шергин Б. В.* Дневник 1939 г. (ноябрь—декабрь) / публ. Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
11. *Шергин Б. В.* Дневник 1945 года (18 января — 12 апреля) / вступ. статья А. Н. Мартыновой; публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб.: Академический проект, 1998. [Ч. 1].
12. *Шергин Б. В.* Дневник 1945 года: (13 авг. — 23 сент.) / вступ. статья А. Н. Мартыновой; публ. И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. Ч. 2.
13. *Шергин Б. В.* Жива душа моя: [Дневниковые записи 40 — 50-х годов] / предисл. и публ. Л. Шульман // Литературная газета. 1990. 12 дек.
14. *Шергин Б. В.* Из дневников / публ., подгот. текста и вступ. ст. Л. Ю. Шульман // Новый мир. 1988. № 1.